

С.А. Севастьянова

ДАЛЁКОЕ И НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Воспоминания С.А. Рогожинской являются продолжением работы над историей жизни матери, Рогожинской Хаи Иосифовны «О жизни, о времени, о людях».

ДАЛЁКОЕ И НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Мои воспоминания являются продолжением работы над историей жизни моей мамы Рогожинской Хаи Иосифовны «О жизни, о времени, о людях», законченной в марте 2008г. Жизнь мамы стала и моей судьбой: родители продолжают в своих детях, и связь времён неразрывна.

Первые мои детские воспоминания связаны с моими родителями. Образ папы всё-таки запечатлелся в памяти 3х-летнего ребёнка. Помню, мы втроём: мама, папа и я, находимся в каком-то небольшом помещении. Мама в тёмной одежде сидит за столом, у неё волнистые чёрные волосы до плеч. Папа стоит, одетый в защитного цвета форменную одежду, держит меня на руках, я плачу, он меня успокаивает, даёт мне кусок сахара (неслыханная ценность в таком месте по тем временам). Видимо, эта встреча произошла незадолго до его отправки из лагеря.

Много позже, уже будучи взрослым человеком, имея взрослых дочерей, я возобновила поиски папы с помощью Рязанского отделения общества «Мемориал». Шли 90-е годы, послеперестроечный период, новое руководство страны провозгласило гласность одним из критериев жизни нашего общества, завеса тайны над деятельностью самой закрытой структуры власти КГБ (позже ФСБ) слегка приоткрылась, правда, на очень короткое время. Благодаря запросам руководителей Рязанского «Мемориала» Андрея Блинущова и Юлии Середы я получила ответ от руководителя Польской Комиссии «Мемориала» — очень подробное письмо с целым рядом адресов, куда я могла обратиться дальше, а также справку из архива Каргопольлага по поводу папы. Написав в г.Красноуфимск (куда по справке был отправлен папа), получила ответ из УВД Свердловской области с его фотографиями и данными доарестной жизни; что же касается его дальнейшей судьбы, — то никаких сведений у них нет. Видимо, тогда папа был ещё жив, он часто снился мне по ночам. Поиски продолжаются.

Рис.1. Папа Ротштейн Абрам Соломонович незадолго до ареста (фотография из «дела»)

Рис.2. Папа — заключённый Каргопольлага

Рис.3. Лето 1945г. Каргопольлаг. Я с мамой накануне отправки в детский дом

Свою жизнь в детском доме помню смутно, сохранились в памяти отдельные отрывочные эпизоды. Гулять нас выводили в хвойный лес, начинавшийся сразу за оградой, строем попарно. Это, видимо, была архангельская тайга. Прогулки эти я очень любила, леса совсем не боялась, любила посидеть на травке под ёлочкой, посмотреть, послушать, из-за чего часто опаздывала, когда после прогулки надо было по зову воспитательницы становиться в строй. Наказание за эти опоздания и другие нарушения дисциплины было очень простым: лишали ужина. На ужин обычно давали кусок чёрного как земля хлеба, смазанного тонким как промокашка слоем масла или ещё чего-то жёлтого с каким-то тёмным питьём. Чувство постоянного голода, видимо, было настолько привычным, что наказание действовало ненадолго. Но это постоянное

недоедание, как мне кажется, отложилось где-то в подсознании на всю жизнь, заставляя бережно относиться к каждой крошке хлеба, к каждой ложке пищи. И в семье у нас — это жёсткая ненарушаемая традиция, заставляющая помнить о тех, кто умирал в лагерях от голода, от пеллагры.

Ёщё один эпизод: нас разбудили ночью, велели быстро одеваться, собираться. За окнами, в ночи видны были отблески яркого зарева (или пожара?), во дворе ржали лошади, скрипели телеги. Видимо, готовилась срочная эвакуация нашего детского дома. Что произошло, мы так и не узнали. Эвакуация, к счастью, не состоялась, иначе вряд ли бы мама смогла когда-нибудь разыскать меня.

В самые ранние первые годы жизни, проведённые в зоне, сначала в доме ребёнка, потом в детском доме в душе моей совершенно бессознательно утвердился принцип поведения в жизни: ни от кого ничего не ждать, ни у кого ничего не просить, надеяться только на себя, на свои собственные силы. Уверена в том, что это жизненное правило могли создать только политзаключённые, духовно сильные люди, выжившие в аду сталинских лагерей, сохранившие в чистоте свою душу, своё человеческое достоинство. Этот принцип помогал мне, уже будучи взрослой, преодолевать нелёгкие жизненные ситуации, посылаемые судьбой. В результате чувствовала, что становлюсь сильней, и в некоторых случаях сама могла помочь людям, попавшим в беду, когда в этом была острая необходимость.

В начале сентября 1947г. закончился 10-летний срок маминого заключения. Осенью 1947г. после освобождения из лагеря мама забрала меня и дочь своей подруги по заключению из детского дома. Для меня появление её, красивой, в накинутой яркой шали, около детского дома осталось сильным потрясающим детским впечатлением. Я узнала маму сразу, хоть мы и не виделись больше 2х лет, бежала к ней, плача от счастья, боялась, что это — видение и оно исчезнет. О том, как мама с нами, двумя, добиралась до Каргополя, рассказано в её воспоминаниях (стр.51-52).

После освобождения мама была поражена в правах, вернуться в Москву было запрещено. Между бывшими заключёнными, друзьями по несчастью, отношения не прерывались, поддерживались переписка, взаимопомощь. В результате, после всех злоключений, связанных с поиском места для жительства, мы оказались в Лабинске Краснодарского края (помогла тётя Женя, мамина подруга по заключению). Новые знакомые, сочувствовавшие нашему положению, сначала устроили маму ночным сторожем на хлебозавод, потом нянечкой в детский сад «Красное зёрнышко»,

меня в этот же сад. Жили мы на квартире у Елены Никаноровны, одинокой, добрейшей души старушки. После Елены Никаноровны мы жили у тётки Раи и дяди Андрея Морозовых. Своих детей у них не было, ко мне они относились как к родной дочери, очень жалели маму, помогали, чем могли. На лето 1950г. тётка Рая и дядя Андрей, (работавший директором совхоза) отправили меня на Северный Кавказ в деревню к сестре тётки Раи, а мама осталась в Лабинске работать и подготовиться к нашему переезду на Украину.

Вспоминанию со светлым добрым чувством кубанский период своего детства. Жуткий голод, свирепствовавший тогда на Кубани, холода, сильные ветра, наша с мамой неустроенность — всё это проходило стороной, не задевая своими впечатлениями. А вот сад-огород Елены Никаноровны запомнился! Хорошо помню громадные подсолнухи со здоровенными золотистыми головами в разных местах огорода, много огородной зелени и буйство красок цветущих турецких гвоздик, астр, гайлардии с жёлтыми как солнце лепестками и тёмными как ночь бархатными серединками. Никогда не рвала цветов, просто ходила, любовалась, наклонялась к ним, впитывая их красоту и аромат. На нашем садовом участке в Алеканово в память детства и Елены Никаноровны растут и цветут гайлардии, но те были выше, ярче, красивее.

Присаживаясь к старушкам на завалинки, брёвнышки, всегда можно было получить от них пригоршню - другую жареных духовитых семечек, которые были непременным атрибутом, сопровождавшим встречи, беседы, разговоры. Помню, Елена Никаноровна нажарит сковороду семечек, и сидим с ней на кухне, сумерничаем, разговариваем под их лузганье до маминого прихода с работы. Мама этого занятия не любила и не поощряла. На улице, в лугах для нас - ребятни, была настоящая вольница и витаминное подспорье — несметное количество кислицы, конского щавеля, клевера, калачиков, каши луговой, лазали по шелковицам, собирая необыкновенно сладкие ягоды тутовника, после которых носы и щеки становились тёмно-фиолетовыми. С удовольствием находили и жевали жмыхи (семечковые отжимки), смолу со сливовых и вишнёвых деревьев — этого добра было вдоволь. Тогда же у Елены Никаноровны попробовала тюрю - похлёбку с чесноком, чёрными сухарями и постным маслом, было очень вкусно. Милая, незабвенная, добрейшая Елена Никаноровна, царствие ей небесное! Маленькая, худенькая, с пучком серо-седых волос, лицо в глубоких морщинах и большие добрые глаза за толстыми стеклами очков. Она тогда мне, дикарке, стала настоящей бабушкой. Помню, когда за очередной проступок мама, придя с работы уставшая, впервые наказала меня ремнём, я сквозь слёзы кричала ей:

«Я с тобой жить не буду, вырасту и уеду от тебя далеко-далеко!» Мама остолбенела с поднятым ремнём, потом расплакалась. Елена Никаноровна отобрала у неё ремень, потом долго успокаивала нас обеих. Мы помирились, но осталась заноза в дальнем уголке памяти, с тех пор в наших с мамой отношениях образовалась трещинка. Больше мама ремень в руки не брала, но за моё своеволие, упрямство и другие «прелести» наказывала по-другому, гораздо больнее, но это потом. Вот парадокс: детские годы проходят очень быстро, но детские впечатления остаются в памяти на всю жизнь.

Только повзрослев, я стала понимать, сколько горя, страданий пришлось вынести маме, какие тяготы свалились на её плечи: оборвались все родственные связи, помощи ждать было неоткуда, одна с ребёнком на руках в страшное голодное послевоенное время. Не давал впасть в отчаяние природный оптимизм, не покидавший её до конца дней, умение с головой уйти в работу, открытость, расположенность к общению с людьми, поддержка друзей.

Вглядываясь в картину своего кубанского детства вижу себя худенькой босоногой девчонкой с лохматой шапкой густых чёрных волос на голове, загоревшей, как и мои уличные приятели, до коричневого оттенка. Чего там было больше — грязи или загара? Наверняка, того и другого с избытком. Вечером мама с Еленой Никаноровной грели воду, отмывали меня, с утра всё повторялось. Платье и сандалии надевались только по праздничным дням, или когда мы шли в гости к маминым друзьям, но это случалось редко. Подошвы ног загубели как асфальт, зато без лишней одежды и обуви было гораздо свободнее. Да и не было её, этой лишней одежды, купить не на что было, зарплата у мамы была мизерной. И опять выручали друзья. Тётя Лариса Суббота передавала маме детские вещи, остававшиеся от её выросшей дочери Наташи.

Нашей ребячьей игровой, спортивной площадкой тогда была улица, пространство между двумя порядками домов. Машин в городе было мало, редко-редко проедет 3-х-тонка. Воздух был чист, свеж, прогрет солнцем, а фантазия ребятни, собиравшейся большой кампанией со всей улицы — неистощима. Городки, лапта, казаки-разбойники, догонялки, шандр и ещё много чего интересного было, по домам загоняли нас, когда уже становилось темно, и то с трудом. А ещё хорошо запомнилось лето в деревне, где я жила у тёти Марии, сестры нашей другой квартирной хозяйки тёти Раи. Для меня это был новый необыкновенный мир, напоенный чистейшим воздухом Северного Кавказа, общением с природой, новыми впечатлениями. Проснувшись утром, после приезда, я выглянула во двор и онемела: там было полно всякой живно-

сти: петухи, куры, индюки, гуси, в сених и на крыльце множество жёлтеньких пушистых цыплят, и всё это птичье царство кудахтало, пищало, гагачило, громко кричали индюки, а небо было голубым, ярко светило солнышко и всё, окружавшее меня, было необыкновенно радостным, праздничным. Позже мне разрешили сыпать корм цыплятам, познакомилась с лошадьё и её жеребёнком, жившими в нашем дворе. Очень приятное и радостное ощущение было в руке, когда лошадь брала с ладошки своими тёплыми влажными губами кусочек хлеба. А вот свиньи не понравились, они мне казались очень толстыми и грязными. Пришли деревенские ребята и девочки познакомиться с городской. Они как-то сразу приняли меня в свою компанию, и жизнь покатила по весёлому интересному кругу. Взрослые наверняка присматривали за мной, но так, что я этого не замечала, и целый день на воздухе, и каждый день что-нибудь новое, интересное. Вскоре тётя Маруся (как я её звала) со своим женихом дядей Васей и с моими деревенскими приятелями взяли меня с собой на реку купаться. В Лабинске я ходила к Кубани, бегала по галечнику, заходила по щиколотку в воду, но купаться одна боялась. В тот день я выучилась плавать: взрослые велели мне лечь пластом на воду, под живот подставили ведро, и так, придерживая, доставили меня туда, где я не могла достать дно ногами, ведро из-под меня вытащили, и от меня — в стороны (недалеко, конечно). Воды я нахлебалась вдоволь, кричала, била руками, ногами по воде, и вдруг почувствовала, что держусь, не тону. Их всех, успокоившись и оглядевшись, увидела: стоят по пояс в воде, посмеиваются. Благодаря такой науке недели через две я уже плавала сажёнками с ребятами наперегонки.

В конце июля-начале августа, после уборки урожая зерновых, нас, ребят, усадили на телеги и отвезли в поле на жнивье подбирать упавшие колоски. Потом мы ходили в поля сами, с утра. Азарта и в этом деле хватало, превращали его в игру: кто быстрее и больше наберёт колосков. Несколько раз писала из деревни письма маме.

Помню наши прогулки в горы. По каменистым тропинкам мы забирались всё выше, деревня наша оставалась далеко внизу, в долине, а горы вокруг нас — всё выше, уходя белеющими вершинами за тёмную расплывчатую линию горизонта. Склоны гор были покрыты колючими кустарниками барбариса, кизила. Ягоды кизила, тёмно-красные на тёмно-зелёном фоне листвы, казались очень яркими, красивыми. На вкус понравились — сочные, кисло-сладкие, терпкие, но приятные. Там у нас было ещё одно развлечение: набирали на берегу Кубани, покрытом галькой, камешки, окатанные речной волной, обязательно круглые, без выступов, размером с небольшой грецкий орех. Потом начиналась игра просто на выигрыш: кто сумеет, подбрасывая камушки вверх на ладони, не уронив ни одного, сначала укладывать на землю по 1,2,3, все 6, точно также их потом все собрать в руке. То же самое потом надо было проделать

на тыльной стороне ладони с «громом», без «грома». Вот где развивалась ловкость рук, глазомер, упорство! Были у нас в компании свои чемпионы. К концу лета и у меня стала получаться эта игра. В Коломыню со мной поехали 2 набора таких камешков и моя единственная любимая кукла Маргарита. Она приехала с нами из детского дома в мамином фанерном чемодане, была ободранная, с облупленным носом и наполовину выдранными волосами, неприлично голая, но руки-ноги целы. Из нескольких дощечек, лежавших под рукой, ей всегда можно было соорудить по необходимости стол или кровать, а чтобы прикрыть её наготу, у Елены Никаноровны, а потом у Анны Васильевны всегда находились какие-нибудь лоскутки. Она была послушной, не капризничала, становилась мне то дочкой, то младшей сестрёнкой, то доктором. Когда в Лабинске я болела малярией, Маргарита лежала рядом и тихонечко уговаривала меня выпить хинин, а он был такой горький и противный! Я её очень любила!

А ещё я там научилась играть в ножички. Там, в деревне, (жаль, не помню название) я впервые увидела сон, не раз повторявшийся в детские годы: раннее-раннее утро, только разгорается заря, я — в горах, одета в лёгкое нарядное платьице, стою на какой-то ровной площадке. И вдруг вижу перед собой совсем недалеко гору, уходящую вершиной в небо, всю из сверкающих разноцветными вспыхивающими огнями самоцветов. Иду к горе, хочу потрогать эту красоту своими руками, но она отодвигается от меня. Конца сна не помню, также, как не узнала его значение.

Вспоминая нашу жизнь на Кубани, я давно осознала, что в те страшные послевоенные бесприютные, голодные и холодные годы мы с мамой выжили только благодаря бескорыстной помощи простых, чужих нам по родству, но очень добрых и отзывчивых людей: семья Субботы (двое взрослых, бабушка, двое детей), Елена Никаноровна, Морозовы и их деревенская родня. Семья Субботы не побоялась взять меня, больную корью, к себе и держать у себя до выздоровления. Любовь Тимофеевна, заведующая детским садом, приняла на работу маму, имевшую тогда только справку из лагеря, и меня в детский сад, а ведь у неё самой в семье были репрессированные. А та незнакомая женщина, встретившаяся нам на полустанке на пути из детского дома? Узнав, кто мы, откуда и куда едем, она вместе с проводницей впихнула нас в переполненный вагон уходящего поезда. Случайная лабинская знакомая Циля, её друзья, этот список можно продолжать очень долго. Всё-таки мы с мамой счастливые люди! Нам везло на хороших людей! До конца дней сохранятся они в моей благодарной памяти. Людей наших, переживших тяжелейшие испытания, горькие потери, объединяло тогда, помогало выживать чувство сострадания, милосердия.

Не озлобились, не говорили громких слов, не спрашивали о национальности и вероисповедании, просто помогали чем могли тем, кому было совсем плохо.

О Любви Тимофеевне надо вспомнить особо. В те тяжёлые послевоенные годы на окраинах нашего чудовищного (по размерам и по жизни) государства оказались осколки настоящей интеллигенции, чудом избежавшие арестов, расстрелов, уцелевшие во время войны, отсидевшие свой срок в лагерях и не имевшие права вернуться в места своего доарестного проживания. Эти люди — преподаватели, библиотекари, медработники, учёные и многие другие стали в жизни своей послевоенной настоящими подвижниками. Потеряв очень многое, они сохранили и передавали подрастающему новому поколению самое главное, что составляло их сущность: культурные традиции, трудолюбие, ответственность за своё дело, совесть, а по отношению к детям, среди которых было очень много обездоленных — отдавали всю свою душу.

Прошло всего 2,5 - 3 года после войны. В стране – фактически разруха, Продукты отпускаются по карточкам, мизерные нормы, а в нашем детском саду — молочные, мясные продукты, яйца, летом – свежие фрукты, арбузы, дыни — их привозили в сад на телегах – ешь, сколько хочешь. Вкус этих продуктов я узнала впервые именно там. Правда, от непривычки есть вначале могла далеко не всё: организм не принимал. В качестве витаминного общеукрепляющего средства все дети в саду ежедневно получали рыбий жир – на вкус отравы. Пила его зажмурившись и быстро заедая корочкой хлеба с солью. Каждый день мы, детишки, в трусиках, маечках занимались гимнастикой в музыкальном сопровождении. Играла на пианино сама Любовь Тимофеевна!

. Кроме того, под руководством воспитателей мы учились рисовать карандашами и красками, лепить из глины зверюшек, вырезать, клеить, делать всевозможные поделки из подручных материалов. Помню, у нас в группе в шкафчике за стеклом стоял чайный сервиз, сделанный детскими руками из цельной яичной скорлупы.

Рис.4. Занятие в группе. Я прямо справа, с бантом на голове.

А какие праздники в нашем саду устраивала Любовь Тимофеевна! Зимой — в помещении, в тёпкое время года — во дворе, где расставляли скамьи для гостей. Каким чудом это получалось у неё?! — дети в настоящих национальных костюмах исполняли танцы народов Советского Союза, показывали гимнастические композиции в сопровождении пианино или баяна (у нас в саду был свой баянист!), пели, рассказывали стихи Пушкина, Тютчева, Майкова, Фета. На этих праздниках, как правило, присутствовало в качестве приглашённых почётных гостей городское и краевое начальство. Самое большое удовольствие получали, конечно, сами выступающие.

Низкий поклон, светлая память и глубокая благодарность Любви Тимофеевне и её поколению. Своим естественным подвижничеством, своей душевной щедростью, высокой честностью они растили из нас людей, достойных высокого звания Человека. Думаю, что их труды не пропали даром. Поколение молодёжи-«шестидесятников» — тому яркое подтверждение.

Рис.5. Сценки из детсадовских праздников
в исполнении автора

В конце августа 1949 года у нас в саду состоялся праздник проводов в школу ребят из старшей группы. Было весело, опять песни, стихи, музыка и хорошие напутственные слова Любви Тимофеевны, и было очень жаль расставаться с садом, страшила перемена — а что будет дальше? Каждому из нас подарили по 2 тетрадки (в клетку и косую линейку), коробку с 6-ю цветными карандашами фабрики им.Сакко и Ванцетти и простой карандаш.

Надо сказать, в детском саду я находилась до 8 лет: жили мы очень бедно, не на что было приготовить школьную форму, портфель. Помню, я пошла в школу в каком-то пёстром платье из простой материи, с холщовой сумкой для учебников и тетрадей. Первый класс не оставил в памяти ярких впечатлений. К тому времени я уже неплохо читала, нравилось вырисовывать буквы в прописях, считала быстро и, в общем, в школе было мне скучно. С моей активной натурой (а точнее, с шилом в одном месте) сидеть в течение 45и минут неподвижно, сложив руки на парте, и вместе с одноклассниками повторять хором за учительницей: «ма-ма мы-ла ра-му» или «ра-бы не мы» не было никаких сил, дома меня ждали любимые книжки, тянуло к приятелям на улицу. К счастью, всегда находилось, чем развезать эту скуку: например, можно было придумать место для своего нового секретика. Делается секрет так: в укромном месте (чтобы никто не видел!), где-нибудь за сарайчиками под кустом надо вырыть не очень глубокую ямку, выгладить, утрамбовать дно ладошками, положить туда часть своих драгоценностей: бусинки, найденные не-помню когда, неизвестно-где, (а может с кем-то поменялась), цветные стёклышки, пробки от пузырьков или бутылок, сверху всё это прикрыть, например, цветком одуванчика, полюбоваться на своё сокровище, накрыть его куском стекла, найденным там же,

за сараями, края прикрыть травкой. Всё, секретик готов. А потом можно будет иногда прибегать сюда, полюбоваться, посмотреть, всё ли на месте. А когда забудешь про это место, можно будет сделать новый секрет. А ещё под рукой всегда были карандаши, на промокашке можно было рисовать рожицы типа «Точка, точка, запятая...» или принцесс с коронами на голове, в пышных нарядах, с не менее пышными локонами и т.д. Тут же с соседних парт поворачивались ко мне заинтересованные физиономии одноклассников, дурной пример, как правило, заразителен, и в ситуацию вмешивалась учительница. Отбирала мои рисовальные принадлежности и шедевры запретного творчества, позже передавала всё это маме, а мне в наказание приходилось стоять в углу. Дома меня ждал очередной нагоняй от мамы, но через некоторое время всё повторялось с завидным постоянством, только менялся характер развлечений. Ну не могла я ничего поделывать с собой!

Учительница ставила мне пятёрки по письму, чтению, по арифметике, по рисованию, конечно (!), но постоянно жаловалась маме на мою непоседливость, невнимание на уроках, грязь в тетрадках. Мама, естественно, меня наказывала, ругала, но тогда это мало помогало: ведь помимо школы и уроков было столько интересных дел! По-хорошему, маме надо было отдать меня сразу во 2й класс: я была бы вынуждена заниматься там нужным делом, чтобы не отстать от одноклассников, и никто бы не мучился, но в Лабинске тогда это не практиковалось.

Бог мой! Как всё повторяется в нашей жизни! Ведь с такими же проблемами столкнулась и я, когда моя старшая дочь Юля стала первоклассницей, и до смешного всё повторилось в следующем поколении: пошёл в школу Гриша, наш старший внук. Думаю, наши гены сыграли с нами весёлую шутку, и не только в отношении учёбы. Впрочем, с нашим генным фамильным наследством всё не так уж плохо: Юля и Гриша, как и я, рано пристрастились к чтению, хорошие книги, классическая, хорошая инструментальная музыка являются для нас необходимыми духовными составляющими жизни; у Юли рано проявились способности к рисованию и их удалось развить благодаря её обучению в художественной школе; обе девочки быстро освоили рукоделие — вышивку, вязанье, шитьё, без ложной скромности — это моя школа! Юля, как и моя мама в лучшие свои годы, в студенческую пору увлеклась туризмом, но главное не в этом. По характеру своему и Юля, и Гриша — натуры удивительно цельные, чистые, глубокие; они обладают даром общения с людьми, у них много надёжных друзей. Они всегда готовы прийти на помощь — это у них от мужа Сергея и моей дорогой незабвенной свекрови Татьяны Ивановны, царствие ей небесное. В непростых жизненных ситуациях, случавшихся в семье, Юля всегда была рядом, благодаря её поддержке появлялись силы жить дальше. К сожалению, как в сказке

«О мёртвой царевне...», не обошлось без ведьмино подарка: ах, если бы Юля была хоть немного опрятнее в отношении своей внешности, порядка в доме! Надеюсь, с возрастом это придёт. Жаль только, в детстве и мне, и им немало попортил жизнь комплекс неполноценности, но сейчас, к счастью, это уже в прошлом.

Наш младший внучок Гоша прихватил себе в наследство тот же океан энергии, в котором я полощусь до сих пор. Боже мой, как он напоминает мне меня маленькую в детстве! Очень часто его поступками руководят эмоции, сиюминутные желания, буквально захлёстывая, как и меня в своё время, о слове «надо» он иногда вспоминает в последнюю очередь, последствия в результате бывают не очень приятными для него и для наших близких. Думаю, с возрастом, при благоприятных условиях, в каких находится сейчас семья Юли и он сам, мальчик научится справляться с подобными искушениями. Он очень способный (и на шкodu, и на серьёзное нужное дело), про таких говорят: «Руки и голова на месте», вместе с тем очень добрый и отзывчивый на ласковое слово. Этот проказливый непредсказуемый мальчишка умеет проявить себя в нестандартных ситуациях с самой неожиданной стороны. Во время моего пребывания во Франклинe там у них в Штатах, в последних числах октября 2011г. после сильного снегопада произошло отключение электроэнергии. Мы были без тепла и света 2е суток. Поздний вечер, за окнами глубокие сумерки, Юля с Гришей в отъезде, зять Саша на работе далеко от дома. «Бабушка, не волнуйтесь — говорит мне Гоша — я, что, не мужчина?! Сейчас всё устрою» (ребята с нами, дедушкой и бабушками всегда на «Вы», завёл эту традицию маленький Гриша, она прижилась в нашей семье). Нашёл свечи, зажёл их с помощью найденной газовой зажигалки, потом со свечкой в руках разыскал в гараже налобные фонари, дал мне, разыскал запасные батарейки для фонарей. Пока я готовила еду для нашей девочки и пекла ему его любимые блинчики, развлекал и опекал би-месячную Маргошку. Накормив, выкупав при свете свечей и фонарей малышку, уложили её спать. А потом при свечах поужинали и до Шашиного возвращения сидели играли с Гошкой в его любимые настольные игры. Благодаря его мужской самостоятельности и сноровке мы провели дивный незабываемый вечер при свечах! Какой станет в будущем наша улыбчивая ненаглядная крошка- Маргошка, наше маленькое солнышко, пока сказать трудно, но что у неё тоже шило в одном месте — это уже установленный факт.

Господи, благослови их на светлый, долгий путь в этой жизни! Пусть живут в любви, в радости, пусть будут счастливы!

Я немного отвлеклась, возвращаюсь в свой первый класс. Первый школьный год быстро закончился, наступили летние каникулы, а с ними то самое незабываемое лето в деревне у родни Морозовых, оставшееся в моей памяти на всю жизнь. Как жаль, что всё хорошее проходит так быстро! Подошло время расставания с Кубанью. Мы с мамой попрощались со всеми нашими дорогими друзьями, ставшими нам родными, близкими людьми. Путь наш лежал на Украину. Прощай, Кубань!

Украинские мотивы

Итак, здравствуй, Украина! Во второй половине августа 1950г. состоялся наш переезд. Мы прибыли в г.Коломыю Станиславской области.

Анна Васильевна Савицкая, мамина подруга по заключению, пригласившая нас, устроила маму работать санитаркой в Дом ребёнка, где работала сама. Поселила нас у себя. Жили мы с ней втроём в её небольшой комнате с балконом, выходящим на улицу Шевченко, на 2 этаже. С 1 сентября я начала учиться в 8-й средней женской школе с преподаванием на русском языке. Уже будучи старшеклассницей, я не могла понять, почему в маленьком провинциальном городке на окраине государства, где наибольший процент населения составляли местные жители-украинцы, только в 2-х школах из 9-и преподавание велось на украинском языке. Но тогда некому было задавать подобные вопросы. Немного расскажу о наших соседях по дому. На 1м этаже направо от входа жила семья врача Гайдюка и его жены. С их дочкой Милой мы часто вместе играли. Я очень любила слушать, как эта полная бледная девочка играла на пианино гаммы, она училась в музыкальной школе. Мне тоже разрешали постучать по клавишам, а учиться музыке, играть на инструменте хотелось до слёз. Но в наших с мамой условиях ни тогда, ни позже возможностей для этого не было. По ночам во сне я сочиняла очень красивые мелодии, проснувшись, плакала втихомолку от того, что они не запоминались. Слева от входа жила семья железнодорожника Котлярова со взрослой дочерью и сыном Толиком на 2 года старше меня. В начале сентября я со скарлатиной попала в детскую инфекционную больницу, переполненную больными детьми: в одной палате лежали мальчики и девочки, вскоре там оказался и Толик. Лежали там долго, до 40 дней, мне там было очень плохо, всё просила через окошко маму, чтобы забрала меня оттуда. Однажды узнали, что в больнице от менингита умерла 16-летняя девушка. Посмотрела в окошко, выходящее в больничный двор, куда смотрели все, и в ужасе отпрянула. Мне потом долго снилось это полное тело в короткой рубашке с безжизненно раскинутыми руками и ногами.

С Толиком позже мы учились в одной школе, в 9-й, в которую перевели половину нашего класса из 8-й школы после введения совместного обучения мальчиков и девочек.

Мама, работая в Доме ребёнка, одновременно училась в медшколе на 2 курсе, нагрузка у неё была непомерная, проблемы со мной: одеть, обуть (при полном отсутствии в магазинах одежды и обуви), что-то при помощи Анны Васильевны шилось-перешивалось. С учёбой проблем не было, но характерец у меня был ещё тот! Взрослым было нелегко со мной. Причина же была не во мне.

Страшное колесо сталинских репрессий не только уничтожило миллионы людей, (поколения интеллигенции, крестьянства, рабочих — цвет общества), оно уничтожило понятие семьи, развратило подлостью оставшихся на воле, под страхом расправы заставляя их публично отказываться от арестованных родных. Зубцы этого колеса смяли, искрошили характеры пострадавших, начиная как от малышей, родившихся в лагерях, так и их родителей. Ничего удивительного в том, что освобождённые из лагерей и, тем не менее, находившиеся под постоянным контролем органов МВД на местах, многие люди изменились, безвозвратно утратив в борьбе за выживание свои лучшие индивидуальные черты (думаю, что эти изменения отразились и на генном коде нашего народа).

Мама — до ареста весьма успешная и благополучная интересная молодая женщина, с детства любимая и избалованная вниманием, опекой близких и дальних родственников (единственная девочка в большой семье), потеряв всех своих родных, своё прошлое, превратилась в загнанного несчастьями человека, ради выживания нашего готового на любые нагрузки и унижения. Анна Васильевна — в молодости певунья, плясунья, душа любой компании. В 16 лет она вышла замуж за крупного работника КВЖД, инженера-путейца. Родился сыночек Андрюша, в семье царило счастье. С арестом мужа всё кончилось. Приехав в Коломыю, я увидела очень пожилую сутулую женщину, с лицом, изборождённым морщинами. Она была приветлива с нами, но улыбалась, смеялась очень редко. Работа давала ей заработок и возможность общения с людьми. Основное своё свободное время она писала письма в разные инстанции, пытаясь разыскать сына, отнятого у неё при аресте, якобы помещённого в детский дом, и узнать о судьбе мужа.

Анна Васильевна — прекрасный, добрый человек, к сожалению, с очень подорванным здоровьем. Для нас с мамой она сделала очень много, но вскоре стало понятно, что жить вместе под одной крышей дальше невозможно. И мама, и Анна Васильевна были постоянным напоминанием друг другу о перенесённых страданиях и утратах, об ужасах лагерного быта. Мама сняла угол в маленьком доме у пожилой женщины Петровны на улице Жданова, и мы перенесли туда свой нехитрый скарб.

В каких условиях мы там жили, мама писала в своих воспоминаниях.

Но с Анной Васильевной мы встречались часто, проводили вместе все праздники, дружба продолжалась. Меня, ребёнка, родившегося в зоне, тоже не обошли эти перемены. В условиях жизни в детском доме я из ласкового, спокойного ребёнка (по рассказам мамы) превратилась в дикого, всегда настороженного зверька, готового в любую минуту пустить в ход когти и зубы. Поэтому и росла всегда особняком, очень ранимая, самолюбивая, под сенью невысказанного комплекса неполноценности. На Кубани в Лабинске мне было хорошо, там я дышала чистым воздухом Кавказа, на улице с ребятами мы все были на равных, рядом была моя названная бабушка Елена Никаноровна.

В Коломые же пришлось заново привыкать к окружающей обстановке и жизни. В июне 1951 г. мама сдала выпускные экзамены в Коломыйской медшколе, получила диплом медсестры и начала работать в городской детской больнице. По причине нашей чудовищной бедности мама, чтобы подработать, соглашалась ходить к больным, делать на дому уколы антибиотиков днём и ночью (промежуток во времени — 6 часов). Больничное начальство шло ей в этом навстречу. Рабочая смена у мамы длилась 24 часа, 2 суток — отдых. Вступив в профсоюз медработников, мама активно начала заниматься общественной работой. В кругу её интересов теперь была её работа в больнице, где очень ценили её добросовестность, опыт, самоотдачу, общение с людьми, общественные нагрузки, я же всё больше была предоставлена сама себе, постепенно становясь для мамы тяжёлой неизбежной нагрузкой. Трещинка между нами постепенно расширялась. Я и очень любила её и боялась маминого гнева, боялась чем-нибудь расстроить её, зная, что у неё порок сердца. Рано научилась лгать, стала скрытной, тем более, что в глазах мамы и по её отзывам я была хуже, чем другие, благополучные дети. Мама почему-то не думала о том, что у этих благополучных детей не было за плечами, слава Богу, опыта моих первых детских лет, проведённых в зоне, в детдоме. Груз этого опыта в течение долгих лет давил на мои плечи. Она не сумела вовремя подумать, оценить все произошедшие события и их последствия и понять, что мне тогда нужно было всего лишь терпеливое ненавязчивое внимание, приветливый тон обращения (несмотря ни на что), уверенность в моих будущих успехах — увы, этого я так и не дождалась. Её крики, гнев всё больше загоняли меня в самую себя, отдаляли от неё. Лгать я перестала, уже повзрослев (6-7й класс), проявилось чувство собственного достоинства и какой-то глубокий протест против любой формы несправедливости и унижения. Воспитывало меня по-настоящему общение с моими уличными друзьями, чтение, книги так и глотала, читала запоем, забывая обо всём, знакомство с другими (совсем другими) людьми.

С моими друзьями — детьми (примерно одного со мной возраста) наших соседей с улицы Жданова мы в апреле, чуть только прогрелась вода в местном пруду, открывали купальный сезон, хоть от холодной воды стучали зубы и тело покрывалось мурашками (конечно, мама об этом не знала), бегали босиком под дождём; а игры в прятки, догонялки, прыгалки (сараев и чердаков с лестницами для нас хватало), штандр, мяч, лазание по деревьям, в общем, жизнь на воле, без пригляда взрослых (так нам казалось, хоть они были где-то рядом) приносила много радости, развивала, закаляла нас. Мне искренне жаль современных городских ребят, попавших в зависимость от современных информационных средств. Что они видят на экранах своих мобильных, в которые смотрят как верующий в молитвенник, заткнув уши наушниками, полностью отгородившись от окружающей действительности? Что нового можно там разглядеть? Они не знают, не ощущают физической радости движения на свежем воздухе, радости от игры в своей компании сверстников, от своей ловкости и сноровки, которую можно продемонстрировать в этой игре. Пусть бытовые условия в той нашей жизни были несравнимо хуже: не было водопровода, воду мы, ребята, помогая взрослым, носили из колодцев, не было в домах ванн, раз в неделю ходили мыться в городскую баню, не было квартирных телефонов, газ провели только в начале 60х, но наша жизнь тогда была несравненно ярче, интересней. Были библиотеки, был Дом пионеров со всевозможными кружками, где можно было приобщиться к искусству, научиться делать что-то полезное, интересное собственными руками, был кинотеатр им. Кирова, где мы видели много хороших фильмов, был городской всегда открытый стадион — ходи, занимайся. В середине 50-х годов в городе открылась детская спортивная школа. По домам особенно не расслаивались, некогда было. Помню, была ещё одна забава: где-то в конце мая собирались большой компанией — человек 8-10 и с утра отправлялись к дальнему (за городом) мосту через Прут, прыгали по очереди с моста в середину реки (где было глубже всего), с высоты примерно 5 метров. При появлении взрослых убегали. Всё это можно было себе позволить, когда мама была на суточной смене. В нашей компании никто никого не унижал, игры были коллективными и каждый из участников игры в равной степени мог показать всё, на что способен — это было то, чего мне так не хватало дома, в общении с мамой, перед которой я всегда была в чём-нибудь виновата, всё делала не так. Конечно, иногда между нами случались обиды, мальчишки дрались, но долго зла никто ни на кого не держал, вскоре, как ни в чём не бывало, мы собирались на своём привычном месте около дома Вали Лапшиной, моей одноклассницы.

Читать я научилась до школы. Моими первыми книжками были «Лисичка

со скалочкой» размером со взрослую ладонь в бумажном переплётё с очень хорошими цветными картинками, большая книга стихов, поэм и сказок А.С.Пушкина довоенного издания с чёрно-белыми гравюрами. Многие стихи и сказки я выучила наизусть, обладая хорошим воображением, казалось, воочию видела картины, нарисованные изумительным пушкинским стихом. Позже мама подарила мне книгу рассказов и сказок о животных Виталия Бианки, и эту книгу я перечитывала много раз, любовалась цветными вкладками-картинками, знала содержание почти наизусть. Через много лет мои девочки, а потом внуки знакомились с этими книгами, сейчас в обновлённых переплётёх они находятся в Юлиной библиотеке. Гоша, находясь летом у нас на даче в Алеканово, очень любил перед сном выбирать по иллюстрациям сказку из книги Бианки, прочитывал по уговору название и 2-3 строчки. А потом с удовольствием слушал, говорил, что это очень добрые сказки. Недавно во время нашей встречи по скайпу младшая дочь Галя показала в камере большую книгу – сборник стихов, поэм и повестей Пушкина с иллюстрациями Брюллова, Фаворского, и других русских художников, приобретённый у иерусалимских букинистов. Была счастлива, сказала, что за эту книгу готова была отдать всё, что у неё есть. И это наша Галя, у которой, как нам казалось, не было склонности к чтению, к литературе! Очень кстати здесь строчка известной пахмутовской песни « ...Ни что на земле не проходит бесследно...». Всё повторяется, и всё в детях закладывается от семьи.

А моей первой, по-настоящему глубокой привязанностью в Коломые стала Валентина Михайловна, руководительница кружка рукоделия в нашем городском Доме пионеров, вся седая, необыкновенно красивая. Я туда, также как и в детскую библиотеку, записалась вскоре после выписки из больницы. Не помню, чтобы когда-нибудь Валентина Михайловна смеялась, улыбалась, но с нами, детьми, всегда была очень приветлива, внимательна, спокойна. Мы её очень любили, она никого из нас не выделяла, не слышали от неё ни одного резкого слова. Ткань и нитки для вышивки мы получали у неё, из каких запасов, одному Богу известно. У девочек, и русских, и местных гуцулочек, под её руководством на пальцах расцветали сложные, необыкновенно красивые узоры. У самой Валентины Михайловны была большая сложная работа: в большом подрамнике был закреплён холст с почти законченным портретом Сталина в мундире гералиссимуса в натуральную величину. Вышивала она его гладью цветным шёлком. С ней мы ходили в Коломыйский краеведческий музей, где познакомились с изумительной красотой гуцульского творчества (расшитая повседневная и праздничная женская и мужская одежда, изделия из кожи и дерева, керамика, женские украшения, писанки (расписные пасхальные яйца) — причём, там были представлены изделия из каждого села Прикарпатья, поскольку в каждом селе был свой неповторимый традиционный рисунок

вышивки, росписи, орнамента, и по характеру вышивки на праздничной сорочке (вышиванке), например, можно было узнать, из какого села её хозяин или хозяйка.

Видимо, моё увлечение рукоделием возникло и закрепилось на будущее благодаря любви и уважению к этой замечательной женщине. Мне кажется, что у неё в прошлой жизни тоже были тяжёлые потери и невзгоды, но её это не ожесточило. Она и сейчас у меня перед глазами: высокая, статная, с узлом белоснежных волос на затылке, внимательный взгляд громадных чёрных глаз, гладкая, слегка смуглая кожа и правильные черты чуть удлинённого лица, несуетные, спокойные движения; тогда ей на вид было 40-42года, она казалась нам очень пожилой. Валентина Михайловна, как и Любовь Тимофеевна, заведующая моим детским садом в Лабинске, была одной из представительниц уцелевшего в малом количестве племени настоящих интеллигентов старого образца. Огромная благодарность Вам, дорогие мои, и вечная память. Встреча с такими людьми — бесценный подарок судьбы на всю жизнь.

Ходила я одно время и на занятия танцевального кружка. Чувствовала свою нескладность, угловатость, очень притягивали занятия, наполненные движением, пластикой, музыкой, но, увы, радость эта продолжалась недолго. Молодая энергичная руководительница кружка после нашего первого выступления на публике объявила, что за костюмы надо сдать деньги (по 1рублю с каждой участницы). Что было делать? Признаться ей, что живём с мамой очень бедно, и в нашей семье копейки лишней нет? Ни за что на свете! Тем более невозможно было просить деньги на костюм у мамы. Больше на занятиях кружка я не была. Но уже став взрослой, работая на заводе, с удовольствием ходила с подругами на танцевальные вечера в Дом офицеров, в Дом культуры, особенно любила танцевать вальс.

Ещё одним прибежищем стала для меня детская библиотека с довольно обширным абонементом и читальным залом. Библиотекарши, в основном пожилые женщины, строго расспрашивали ребят, приходивших часто менять книги, о содержании прочитанного, и иногда отправляли домой дочитать книгу до конца. В читальный зал, как правило, стояла очередь. Домашних библиотек почти ни у кого не было, а там можно было почитать самую интересную книгу. Помещение читального зала ребятня набивала битком, за каждым столом сидело по несколько человек. Зимой в углу топилась печка-голландка, верхнюю одежду мы вешали на спинки стульев, было тепло, уютно, за книгами засиживались до поздних сумерек, до закрытия. Помню, мне, наконец, по очереди подошла книга Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». Сидела читала, забыв обо всём на свете, заливаясь слезами от жалости к неграм-рабам.

8-я средняя женская школа, в которой я начала учиться после приезда

В Коломыю, не оставила сколько-нибудь заметных впечатлений, сохранились в памяти отдельные занятные, смешные эпизоды. Со 2 по 4 класс нашей классной руководительницей была Мира Александровна. Она потеряла мужа на войне, одна воспитывала сына Сашку-оболтуса (как она его называла). Выглядела она довольно молодо, к нам, детворе военной поры (многие из которых росли без отцов, погибших на фронте), относилась довольно снисходительно. Книги библиотечные, которые я приносила в школу и пыталась читать тайком на уроках, она отбирала, но потом отдавала. Мне кажется, мама, познакомившись с ней, рассказала ей кое-что о моём детстве, и Мира Александровна прощала мне многие выходки, за которые стоило наказывать, и поостроже. Зимы послевоенные были снежные, морозные. И вот мы, девчонки, начитавшись рассказов о войне (была тогда на слуху песня со словами: «...уходили в поход партизаны, уходили в поход на врага...») даже мелодию помню!) решили устроить партизанский поход. Дорога из школы в центр города шла мимо развалин, оставшихся после войны. Мы, возвращаясь домой после занятий, добросовестно облазили эти развалины, прокладывая в снегу глубокие траншеи, при этом было совсем неважно, что снега было нам по пояс. «Отряд» наш был небольшим, человек 10. Придя домой стащила с себя совершенно мокрое пальто, бурки, шаровары. На следующий день все «партизаны» во главе с «командиром» и заводилой, т.е. со мной, лежали по домам в постелях с высокой температурой, и Мира Александровна по очереди обходила всех своих «вояк». Проболев, встретились в школе дней через 10. Какое уж тут наказание! Видимо, нам тогда был необходим и такой вот отрицательный опыт. Ведь цель-то была благородной — пройти по партизанским тропам!

Кстати, до конца учёбы в школе, я больше ни разу не болела. Иногда очень не хотелось идти в школу (особенно, когда получала на руки интересную книгу), но увы, даже стояние раздетой босиком на снегу не давало желаемых результатов. Видимо, основа генетически была крепкой, закалённой, да и экология была другой — вода в колодцах, откуда мы брали воду для готовки-стирки, и воздух были чистыми, потребляемые продукты — неприхотливыми, натуральными. Сказать, что в детстве я росла абсолютно здоровой, нельзя, уже в 9-10 лет были проявления дисбактериоза, и не только, возникшие в раннем возрасте в результате жизни в лагерных, детдомовских условиях, тамошнего питания, полного отсутствия витаминов, белков, медицинского наблюдения. Из продуктов детдомовской поры запомнились только куски чёрного как земля хлеба, которые мы получали на завтрак, обед, ужин, и которых лишались в качестве наказания за какой-нибудь проступок. Маме я стеснялась или боялась сказать что-нибудь о своём нездоровье, а она, увлечённая работой, общественной деятельностью, общением с сотрудниками, новыми друзьями, ничего не замечала. А ведь работала, постоянно общаясь с врачами-бывшими

фронтвиками, прекрасными специалистами. Никто бы из них не отказался помочь, они очень уважали и жалели маму. Тем более, что в детском и подростковом возрасте всё можно было исправить. Так эти проблемы и остались со мной на всю оставшуюся жизнь. Как в этом отсутствии внимания к здоровью своих детей Юля мне напоминает маму! И не только в этом. Мама часто жаловалась своим друзьям, что я расту дикаркой, неласкова, не открыта с ней, а я очень боялась огорчить её чем-нибудь, боялась услышать гневные упрёки, и что ей опять будет плохо с сердцем, и всё больше зажималась, отдалялась от неё. Больше всего маму интересовали мои учебные дела, и, приходя с работы домой, она первым делом проверяла мой дневник, и как я выполнила домашние задания. С этим вопросом у меня была единственная трудность: не могла заставить себя вовремя сесть за уроки. Приходя из школы, как правило, садилась обедать с книгой, зачитывалась, забыв о времени, и за 15-20 мин до прихода мамы, быстренько убрав посуду, садилась за уроки. С чтением, грамматикой не было никаких проблем: стихи запоминала после 1-2 прочтений вслух, грамотность была интуитивной благодаря чтению, поэтому грамматических ошибок в заданиях не было, зато помарок, поправок, описок из-за спешки (торопилась закончить до маминого прихода) хватало, за что и снижали отметки. И в последнюю очередь бралась за арифметику, с ней у меня тоже не было проблем, но тут приходила мама. Обнаружив невыполненное задание, вместо того, чтобы отдохнуть после работы, сама начинала решать мои задачи, примеры, мне велела переписывать, чтобы меньше было грязи в тетради. Какой же я была тогда стервой! Прости меня, мамочка! Так продолжалось до тех пор, пока мне не надоели ехидные насмешки одноклассниц, и в один прекрасный день я наотрез отказалась от маминой помощи, стала делать уроки самостоятельно. Наверное, начинала взрослеть.

География, ботаника запоминались с уроков очень хорошо, даже если я не очень внимательно слушала. Английский язык со 2 класса у нас вела невысокая, крепкого сложения брюнетка среднего возраста, всегда одетая во что-то серое. Имени её не помню. Наверное, запоминаются только имена людей, оставивших яркий след в моей жизни. Думаю, у нашей англичанки не всё гладко было в её личной судьбе. Она всегда была хмурой, всегда была недовольна нами, её «Good morning», «Stend up», «Siddaun, please» звучало как резкая команда. Мы её не любили, видимо, нелюбовь была взаимной. С тех уроков остались в памяти только названия глагольных времён «Prefect Indefinit», «Prefect Continius», «Past Indefinit», основной упор делался на изучение грамматики. Видимо, успешное освоение предмета, интерес к нему на 100% зависят от личности преподавателя, от его увлечения своим предметом.

Рисование я любила. Рисовали простым и цветными карандашами, красок не было. Фантазия, воображение подсказывали руке верные движения, советы учителя схватывала на лету, рисунки мои нравились. Некоторые из них мама сохранила на память. Где они сейчас, не знаю, скорее всего, у старшей дочери Юли. Учитель рисования, участник войны, иногда приходил на уроки подвыпившим, мы, дурочки, хихикали над ним на переменах, но преподавателем он был хорошим: научил нас легко и просто делать масштабную съёмку и правильно обозначать её на рисунке (предположим, городского пейзажа), правильно наносить штриховку, обозначать тени в том или ином ракурсе освещения. Фамилия учителя была Кнестяпин, имени не помню, он недолго задержался в нашей школе.

Мы все тогда очень любили петь, уроки пения, как правило, проводил с нами на занятиях хора младших классов пожилой дяденька, профессиональный композитор. Слух у него был идеальный, при исполнении той или иной песни он часто показывал оплошавшей хористке, какую и как надо тянуть ноту, добивался гармоничного слитного звучания хора. У всех нас были тогда на руках собственноручно оформленные песенники, куда мы записывали и переписывали друг у друга полубившиеся песни, чаще всего военные: «Эх, дороги», «Три танкиста», «Землянка», «Катюша» и подобные. Я очень любила песню с припевом: «Ой, Днепр, Днепр, ты широк, могуч, над тобой летят журавли...» в исполнении ансамбля им. Александрова, а ещё полюбила украинские песни: «Дывлюсь я на небо...», «Чёрнии бровы, карие очи...», «Ой, дивчино, шуметь гай...», этот список постоянно пополнялся.

В школе нашей училось много девочек из семей военнослужащих: в городе находился военный гарнизон. Эти девочки заметно отличались от нас, вышедших из разночинной части населения, и одеждой, и внешним видом, и держались очень независимо, некоторые, поглупее — высокомерно. В родительском школьном комитете чаще всего работали их мамы, жёны офицеров; они, кроме всего прочего, занимались оказанием материальной помощи девочкам из бедных семей, покупали им необходимую одежду, обувь. По простоте душевной дома за чаем они в присутствии своих домашних, в т.ч. дочерей, рассказывали о том, что и кому приобрели. Бедная Люся Знаемская! Она действительно была из очень бедной семьи, в которой кроме неё росли ещё её брат и сестра! Я хорошо помню эту бледненькую, худенькую девочку с ярковыраженным еврейским типом лица, с чёрными кудрявыми волосами, заплетёнными в тонкие косички. Одета она была ещё хуже, чем я, и родительский комитет ей, первой из нашего класса, купил новую школьную форму. Офицерские дочки (не все, конечно) всю преследовали её: «Мы (!) тебе купили вот это, и ещё вот это, а ты вот...» и т.д. Не помню, что я сказала им, но, видимо, моё возмущение

было таким искренним, а язык – таким злым, что после этого её раз и навсегда оставили в покое. Люся всё ходила за мной и говорила со слезами: «Спасибо тебе, спасибо!» И дело тут было не в нашей общей с ней национальности, просто в силу своего характера я не могу выносить, когда при мне унижают человека. А что касается национальности, то ни тогда, в детстве, ни во взрослой моей жизни, я никогда, подчёркиваю – никогда! не комплексовала по этому поводу. Проблемы национальности для меня не существовало! А всё дело в том, что первые годы своей жизни я провела в зоне. И в бараках, где находились заключённые, и в нашем детском доме был настоящий интернационал: вал репрессий обрушился на все народы, населявшие СССР. Там, в зоне, мы все находились в равных условиях, и интернационализм стал для нас привычным, естественным фактом нашей жизни, остался неотъемлемой составляющей моих внутренних правил поведения и взаимоотношения с людьми. Не бывает худа без добра — из зоны мы, дети ЗеКа, вышли интернационалистами! Мне уже за 70 и я отвечаю за каждое слово, написанное здесь! Позже мы с Люсей учились в разных школах и встретились уже став взрослыми, года через 2 после окончания школы. Люся выправилась, из маленькой бледной обезьянки превратилась в высокую очень интересную девушку с удивительно красивой восточного типа внешностью. Она пользовалась большим успехом у молодой мужской части коломыйского населения. Вызывали тогда и меня на родительский комитет, с состраданием оглядывая мою плохоньку одежёнку, тоненькие (подшитые ветром, но очень лёгкие и удобные) ботиночки, предлагали купить мне новое платье и обувь. Помня Люсин урок, я сказала, что мне ничего не нужно, всё у меня есть. Самолюбие и гордость были ещё те! Видимо, с детской лагерной поры в моём подсознании было раз и навсегда внедрено правило: «Не жди, не проси, надейся только на себя!» И оно ни разу в дальнейшей жизни меня не подвело.

Переводные экзамены мы сдавали начиная с 4 класса, вполне естественная, правильная тренировка мозгов в конце учебного года перед летними каникулами: экзамен по грамматике, диктант, контрольная по арифметике. Этот ежегодный экзаменационный процесс стал привычным, может, поэтому знания закреплялись прочно, надолго.

Отношения между девочками складывались по-разному, всё время группы по 4-5 человек, распадались, возникали новые со своими привязанностями, секретами. Офицерские дочки сначала держались особняком, со временем стали попроще. Среди всех нас выделялась Инна Нечаева. Когда мы учились в 4 классе, у неё умер папа. Он был в звании полковника, участник войны. Мама осталась вдовой с тремя детьми на руках, младший Сашка — совсем маленький. Инна была старшей, видимо, она очень серьёзно восприняла роль старшей маминой помощницы. Помню, придя в первый день после

похорон в школу, она долго стояла с закрытыми глазами, прижавшись лбом к дверному косяку классной комнаты. Не плакала, держалась спокойно, строго, как будто отстранилась ото всех. Мы очень жалели её, были внимательны к ней, но Инна не допускала никаких разговоров по душам, не нуждалась ни в чьих утешениях. Училась почти на одни пятёрки, была всегда подтянута, опрятно одета, очень собрана (в отличие от некоторых), была у нас бессменным председателем совета отряда, а потом комсоргом класса до конца учёбы. Оттаяла немного только в старших классах. Дети погибших или умерших участников войны получали тогда от государства пенсию при наличии подтверждающих документов. Пенсия была небольшой, но всё-таки это была помощь семье. Мы, дети репрессированных, а попросту людей, вычеркнутых из жизни, не получали ничего, и, по большому счёту, нужны были только самим себе и нашим близким, уцелевшим в сталинской мясорубке. Сколько нас, таких, было по стране?! На пионерских линейках тогда часто звучал лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», а по радио в «Пионерской зорьке» и других детских передачах часто звучала песня с первой строчкой: «Эх, хорошо в стране Советской жить!»

Для нас, детей военной поры, было в порядке вещей, что у многих из нас отцы погибли или пропали без вести на фронте во время войны (как мой папа — так я думала по незнанию). Но когда в мирное время умирали папы наших одноклассниц, это было неправильно, несправедливо! Точно так же мы были ошарашены, напуганы смертью папы Лиды Ефремовой, лётчика, полковника. Победивших фронтовиков догоняла война.

Дружила я с Валею Лапшиной, о которой упоминала прежде, учились с ней вместе со 2 по 10 класс. Наверное, мы с ней представляли комичную парочку: я была худющей, на полголовы выше её, Валин папа посмеивался над нами: «Тарапунька и Штепсель» — это был сценический псевдоним знаменитых тогда украинских артистов эстрады Юрия Тимошенко, худого высокого, и маленького кругленького Ефима Березина. Они, как правило, вели самые крупные ответственные концерты; но нам с Валею эта несхожесть не мешала.

Когда перебрались с мамой жить к Петровне, а позже на той же улице Жданова получили маленькую комнатку в 4-х-комнатном домике, с Валею иногда вместе делали уроки, у меня арифметика шла лучше, объясняла ей решение задач, потом шли к ним домой, или в их двор, играли, вместе — в школу, из школы, она жила чуть подальше на той же улице.

Там играли до темноты в обществе большой компании детворы с улицы Жданова, в играх фантазии, выдумки хватало, об этом я писала в самом начале. В нашей с мамой новой комнатке налево от входа была высокая, до потолка, белёная печь, у глухой стенки — наша с мамой кровать, занимавшая половину комнаты, в правом углу стоял небольшой столик, за которым мы ели, и я делала уроки, и две табуретки. Эту мебель и кое-

что из кухонной утвари нам оставили выехавшие жильцы. Готовили и разогревали пищу в коридоре на примусе, отхожее место и колодец находились во дворе. Зимой стены и потолок промерзали, покрывались инеем, оттаивали только когда топилась печь, приходилось всё время держать наготове сухие тряпки, чтобы убирать оттаивающую влагу, которая могла попасть в нашу постель. Но всё равно мы с мамой радовались: это было наше! жильё. Валина мама, тётя Рая, маленькая черноглазая приветливая женщина, иногда, зная, что моя мама на суточной смене, оставляла меня у них ночевать. Валин папа, тоже бывший фронтовик, работал за городом в леспромхозе. Сейчас не могу понять, как они там размещались: со двора вход был через сени на кухню средних размеров с большой русской печью, за ней – крохотная спальня, но места хватало всем. Нравы были простые: иногда, по пути из школы заходили к кому-нибудь из одноклассниц домой, нас тут же сажали обедать за общий стол. Эта хорошая традиция сохранялась и в нашей семье, когда стали школьницами наши дочери Юля и Галка, и часто приходили домой с друзьями-одноклассниками.

К вопросам материального достатка я была тогда абсолютно равнодушна, но иногда, попадая в дома некоторых наших обеспеченных «офицерских» одноклассниц, ловила на себе косые взгляды их мам, становилось не по себе, торопилась уйти. Правда, эти мелочи быстро забывались, жизнь была так интересна! Бегали друг к дружке на дни рождения, дарили в подарок чаще всего книжки, благо, в отличие от других товаров ширпотреба, в 2х книжных магазинах Коломьи всегда можно было купить по сравнительно низким ценам интересные книги с хорошими иллюстрациями. Изредка позволяли и мы с мамой купить себе хорошую книгу, но это уже немного позже. Вот так у нас начала составляться наша библиотека: русская классика 19 века, книги Шолохова, кое-что из иностранной литературы. Появление каждой новой книги в доме было для нас настоящим праздником.

Пионервожатой у нас была семиклассница Оля, девочка с крупными чертами лица, большими серыми глазами, со светлорусой косой, перекинутой на грудь. Она очень серьёзно относилась к своим обязанностям, опекала нас, мелкоту, как насадка цыплят. Жила она с дедушкой и старшим взрослым братом на той же улице Жданова, совсем близко от меня. Мы с Валею часто бывали у них в доме. Родителей Оли никогда не видели. Меня поразила обстановка в их доме: большие тёмные книжные шкафы, закрытые стеклянными дверцами, дедушкино кресло-качалка, на котором нам разрешалось покачаться в отсутствие дедушки, большой диван, обтянутый кожей, на котором я спала несколько раз: Оля оставляла меня ночевать у них, когда моя мама была на смене. А ещё у них был замечательный пёс Рекс, немецкая овчарка. Нам разрешалось иногда погладить его, поиграть с ним.

Училась я легко, без напряжения, и, несмотря на безалаберное отношение к учёбе, каждый учебный год заканчивала с 2-3 четвёрками среди остального количества пятёрок. Видимо, выручали память, сообразительность. Мама выговаривала: «Ты могла бы учиться на одни пятёрки», но у меня не было такого стремления. По-настоящему вкус к учёбе появился в старших классах, когда судьба подарила нам встречу с прекрасными учителями-предметниками, влюблёнными в свою работу, для которых школа, преподавание, их предмет были смыслом жизни.

В 4 классе Мира Александровна рассказывала нам, что через 20 лет в нашей стране будет коммунизм, в городах будут выстроены дома из стекла и бетона, все будут жить хорошо, получать по потребности. Мы все тогда считали, что живём хорошо, поэтому такие рассказы не очень запоминались. Ещё нам приходилось слышать от учительницы и по радио (чёрная тарелка, вещавшая с 6 утра и до 12 ночи) о том, какие необыкновенные подарки присылали товарищу Сталину к 70-летию со всего мира. Это поражало воображение: например, поздравление вождю, выполненное на рисовом зерне индусским художником-гравёром, или, опять же, его портрет, вышитый ногами (!) безрукой женщины из Средней Азии. Среднюю Азию я представляла, мы с мамой на пути из лагеря побывали там, в горах Тянь-Шаня, но как можно было вышивать ногами, представить было невозможно. Современный школьник, выросший в наше прагматичное время, наверняка бы спросил: «А зачем?». Но тогда нам, наивным и доверчивым, такой вопрос в голову не приходил, сознание было чистым, незамутнённым, время падения кумиров и последовавшего тотального скептицизма и неверия наступило позже.

Возвращаясь как-то из школы домой своей тёплой компанией (человек 5 или 6), зашли домой к Рите Гуревич. Её мамы дома не было. Рита нарезала чёрного хлеба, помаслила постным маслом, поставила на стол солонку, выложила несколько луковиц. После такого перекуса можно было об обеде не вспоминать, но надо было идти домой делать домашние задания, с таким благим намерением мы ушли от Риты. Каким ветром нас занесло на городскую окраину, до сих пор не пойму. Остановились у неглубокого оврага, заросшего крапивным лесом в рост человека. Стали спорить, кто из нас самый смелый, кто не побоится войти в этот лес и взяться за крапиву обеими руками. Естественно, я первой влезла в этот кошмар, схватилась за жгучие стебли, как было уговорено. Выскочив из оврага, на секунду отвернулась от подружек, скрывая слёзы боли, переводя дыхание, и сказала небрежно: «Подумаешь, ничего особенного». Не помню, повторил ли кто из девочек мой подвиг, но это уже было неважно: форс был соблюден! Дома обмыла руки, покрытые волдырями ожогов, холодной водой, одела что-то с длинным рукавом. Волдыри прошли быстро, мама ничего

не заметила. Так происходило познание мира, постижение жизненной премудрости.

Домашними делами(т.е. закупка продуктов, готовка, стирка и т.д.) мама занималась сама. Считая меня неумёхой, поручала мне совсем немного: выгрести золу из печки, приготовить уголь, дрова, сходить за хлебом, за керосином, помыть полы, перед праздниками постоять в очереди за мукой, за сахаром. И ещё разогреть себе на примусе обед, убрать посуду. Вот как раз с этим делом регулярно случались сбои: на столе, перед едой, размещалась очередная полученная в библиотеке книга, я начинала читать, пока в коридорчике на примусе разогревался заботливо приготовленный мамой обед. Опомившись, выскакивала в коридор, когда уже угольки - остатки обеда намертво пригорали ко дну котелка, а под потолком, как летучие мыши, летали хлопья сажи, приходилось потом песком и кирпичём очищать котелок до блеска. Чистой посудой мама была довольна. Что поделаешь! На ошибках учимся.

У нас, коломыйской детворы, было место, где мы зимой отводили душу. Между городской ратушей и пожарной каланчой на улице Горького вниз к городской бане вёл длиннющий крутой спуск, зимой превращавшийся в ледяную гору. Мы не катались, мы неслись вниз на санках, картонках, дощечках, портфелях, у кого что было, только ветер свистел в ушах и сердечко замирало от страха и счастья. И не важно было, что в конце спуска часто попадали носом в сугроб, вываливались в снег. Хватали своё средство передвижения, карабкались наверх, мчались наперегонки к спуску, чтобы ещё и ещё раз испытать этот полёт! Бедные мои учебники и тетрадки! Тогда ведь полиэтиленовых обложек не было, да и вряд ли бы они помогли. Ну кто виноват в том, что тогда в школах мы писали перьевыми ручками, а чернильницы-непроливайки носили с собой в портфелях, и чернило выливалось из них в самый неподходящий момент, в том, что меня всегда тянуло возвращаться из школы домой, сворачивая налево к улице Горького, хотя была прямая и более короткая дорога через центр города?...Все эти неприятности быстро забывались, каждый день приносил что-нибудь новое.

И вдруг... Этот день навсегда врезался в мою память. Был поздний вечер 4 марта 1953 года. Я была дома (мы тогда ещё жили на улице Жданова), мама — в детской больнице на суточной смене. Уроки были сделаны, портфель сложен, я допоздна засиделась с книгой, динамик-радиовещательная тарелка у нас никогда не выключался, работая с 6 утра до 12 ночи. Днём, если удавалось, слушала детские передачи, остальное пропускала мимо ушей. Накануне слышала что-то о болезни вождя, передавали какие-то бюллетени о состоянии его здоровья. Как сейчас помню, было 11 часов вечера. И вдруг из динамика раздались позывные: мелодия песни «Широка страна моя родная». И вслед за ними страшный в своей трагической тональности голос Левитана (известный, наверное, каждому

жителю нашей страны от мала до велика) сообщил о смерти нашего вождя И.В.Сталина. Я перепугалась, расплакалась, не слушая больше ничего оделась и помчалась к маме в больницу. Мама выслушала меня, успокоила и уложила спать в коридорчике в своём отделении, не заплакала, держалась спокойно. Рано утром подняла меня и отправила за портфелем домой, велела идти в школу. В школе, а потом на обратном пути домой меня поразило общее чувство подавленности у людей и какая-то особая тишина, говорили все тихо, в полголоса, у многих были заплаканы глаза, у взрослых на улице — траурные красно-чёрные повязки на рукавах. Но ведь вокруг всё оставалось по-прежнему! Не рухнули дома, по улицам всё так же ездили грузовики, лошади, запряжённые в телеги, развозили поклажу, в магазинах продавали хлеб. Жизнь не остановилась, она продолжалась! Наверное, поняв, что смерть Сталина – величайшего вождя всех времён и народов (о чём мы слышали постоянно) не прервала ход жизни в нашей школе, городе, стране, мы, дети, осознали, что это событие — не катастрофа, что можно и нужно жить, учиться, общаться, стремиться к чему-то большому, хорошему. Мы становились взрослыми (относительно, конечно).

53 – 54 г.г. стали для нашей маленькой семьи очень значимыми, произошло много событий, изменивших нашу жизнь к лучшему. Во-первых, был закончен 4-й класс, сданы на 5 переводные экзамены, и мы стали пятиклассницами. Жаль было расставаться с Мирой Александровной, мы любили её. Она нам была второй мамой. Вот она на выпускном снимке с нами, своими воспитанницами.

Рис.4 В центре Мира Александровна,
Во 2 ряду слева от неё-Инна Нечаева, 1я справа – Люся Знаемская,
Я – 3я слева в верхнем ряду, Валя Лапшина – 3я слева в нижнем ряду

Во-вторых, мамину детскую больницу перевели в центр города, разместили её во вновь отстроенных корпусах на ул.Ленина, там же открыли и детскую поликлинику. Маме добираться до работы было теперь намного ближе. Кроме того, ей предложили перейти на должность старшей медсестры, это значило, что мама будет теперь работать только днём, по вечерам — дома, ночных дежурств больше не будет. И в третьих, это самая главная новость — мы с мамой получили однокомнатную квартирку в 4х-квартирном домике на пересечении улиц Шевченко и Борисенко, совсем близко от дома Анны Васильевны. Эту квартиру до нас занимала семья с больным мальчиком, мама ходила к ним, делала ребёнку уколы антибиотиков. И отец семейства заранее сказал ей о предстоящем отъезде семьи из Коломыи, посоветовал похлопотать насчёт квартиры. Мамино больничное руководство, горздравотдел знали, в каких условиях мы жили, маму очень ценили на работе, и, благодаря их усилиям, квартиру дали нам, хотя на неё были и другие претенденты.

В нашей новой квартире была кухня! средних размеров, с русской печью, в углу рядом с входной дверью поставили умывальник, у окна стоял обеденный стол, у правой от входа стены — посудный шкафчик, всё это нам оставил бывший жилец. В комнате-спальне была печка-голландка, выложенная зелёными изразцами с красивым рисунком, и у каждой из нас теперь было своё спальное место. Окна квартиры выходили на маленький дворик, и дальше на ул.Борисенко. Во дворике справа был сарайчик, где мы складывали дрова, уголь. Прежний хозяин держал в нём свиней, земля была хорошо унавожена. Познакомились, а потом подружились с соседями Галичиными. Вскоре после переезда (помогали мамыны сотрудники) отпраздновали весёлое новоселье, на котором были наши друзья, больничное руководство, зав. горздравотдела, друг нашей семьи Енина Е.М., подарили нам много полезных в быту вещей. Мы посадили во дворике куст розовой махровой сирени, несколько кустов пионов, к ним добавились нарциссы, луковицы которых я получила в награду за хорошую работу на пришкольном участке (у нас была обязательная практика в конце учебного года, вела её учительница ботаники). Какое же роскошное цветение было в нашем маленьком «садике» в первую же весну после высадки растений! А нарциссы, эти изящные белые «балеринки» с красными серединками, стали моими любимыми цветами. Во дворе нашего дома со стороны улицы Шевченко был устроен огород, соседи что-то выращивали на грядках. Посреди двора росла высокая раскидистая вишня сорта Марель. Ни до, ни после мне никогда не доводилось лакомиться такими вкусными крупными тёмно-красными ягодами, из них получалось великолепное варенье, наливки. Выстиранное простым мылом (химии тогда не было) отсинённое накрахмаленное бельё сушили на растянутых во дворе верёвках, и как же пахло оно, прогретое летом солнцем или замороженное на

воздухе зимой! И как сладко спалось на этом хрустящем пахнущем свежестью белье, голову невозможно было оторвать от подушки, когда мама утром будила вставать в школу!

В тёплое время года голову мыли дождевой водой, собиравшейся в бочке под крышей дома, волосы после мытья были как шёлк. Мы были счастливы, наконец-то у нас был свой дом!

Уверена в том, что всё в жизни повторяется, только каждый раз на новом уровне, и за добром всегда следует добро. Мы с мужем и со своими девочками долгое время жили в 12 -метровой комнатке в коммуналке на 3 семьи, получили отдельную квартиру, когда уже Юля и Галочка перешли соответственно в 6-й и во 2-й класс .

Когда уже все документы на квартиру были подписаны, ждали ордера и ключей, по нашей своевременной подсказке и помощи при оформлении заявительных документов наши соседи по коммуналке Надя и Саша Максимовы получили разрешение на заселение нашей освобождающейся комнаты. Они вместе с детьми жили в мрачной, холодной, выходящей окном на север, дети постоянно болели. Как же они были счастливы!

Сразу же после нашего переезда заселили своих дочек в нашу уютную прогретую солнцем комнатку. А во время нашего переезда на новую квартиру вместе с Сашей многие жильцы нашего многонаселённого двухподъездного дома. пришли помогать нам грузить вещи, проводить нас. Расстались друзьями, пошли им, Господи, всего хорошего!

После смерти Сталина, как я помню, стали происходить заметные перемены в общественной жизни. Я имею в виду тон радиопередач, осторожные разговоры взрослых, в семьях наших знакомых стали появляться их родные, худые измождённые люди, больше похожие на тени, говорили, что они вернулись из лагерей. Через 2 месяца после его похорон произошли серьёзные перемены в верховных органах власти. Председателем Совета Министров был избран Маленков, Генеральным Секретарём ЦК партии — Н.С.Хрущов, было объявлено об аресте Л.П.Берии, как шпиона иностранных разведок и преступника против советской власти. Через очень короткое время, в декабре того же года последовало сообщение о его расстреле... Спустя многие годы, вспоминая и анализируя эти события, стало понятно, почему с ним расправились так быстро: за его спиной стоял мощный репрессивный аппарат насилия и подавления любого противодействия власти в лице органов НКВД, КГБ, МГБ, а в его руках был собран компромат на всех его дорогих и любимых товарищей по партии, членов Политбюро, ЦК, министров. И все участники этой камарильи были кровно заинтересованы в его скорейшем устранении — страшная бескомпромиссная борьба за власть. Каждый из них был заинтересован прежде всего в собственной безопасности, кроме того, многие их близкие родственники были арестованы и находились в лагерях (у Молотова, Кагановича), жену М.И.Калинина в 1946г привезли из лагеря на похороны мужа, потом отправили обратно туда же. Членам тогдашнего руковод-

ства страны было чего бояться: всех их Сталин сумел повязать общим участием в массовых репрессиях миллионов ни в чём не повинных людей, требуя их письменного согласия на аресты на закрытых заседаниях ЦК. Не поддержки тогда маршал Г.К. Жуков, за спиной которого стояла многотысячная боевая победившая в войне армия, кандидатуру Н.С. Хрущёва на пост Генерального Секретаря ЦК партии, неизвестно ещё, чем бы всё кончилось... И когда впервые заговорили о культе личности Сталина, это было непонятно, не укладывалось в сознании. Не прошло и 2х месяцев со дня похорон великого вождя, учителя всех времён и народов, как его стали обвинять в превышении власти, в нарушении всех правовых норм в жизни государства (а когда они соблюдались в нашей стране?!), и чем дальше, тем обвинения в его адрес становились всё серьёзнее. Подлая традиция поливать ушедших лидеров грязью возникла в нашей стране при непосредственном участии тех, кто, находясь в окружении вождя, холуйствовал, соглашался со всеми преступными приказами и постановлениями, а после его ухода во-всеуслышание обвинял его, пытаясь скрыть в тени своё собственное участие в преступлениях против народа.

Но моя неуёмная натура по-прежнему не давала покоя ни мне самой, ни окружающим. В 5 классе нашей классной руководительницей стала Любовь Яковлевна Январёва, милая пожилая женщина с пучком седых волос на затылке. Она же преподавала нам арифметику, геометрию. Говорила тихим голосом, была очень спокойна, уравновешенна. Но и её мне удалось вывести из равновесия! Сонная атмосфера на её уроках нагоняла скуку. Я, быстренько решив пример или задачу, начинала или витать в облаках, вспоминая что-то интересное, прочитанное накануне, или находила себе ещё какое-нибудь занятие, да так увлекалась, что не слышала обращённого ко мне вопроса учительницы. Однажды она подняла меня, спросила: «Тебе скучно на моих уроках?», я чистосердечно ответила: «Да». «Может, ты тогда пойдёшь домой?» Я сложила портфель, вежливо попрощалась и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь класса. Растерянная, стояла в коридоре: идти мне было некуда и незачем. Так и хочется послать вслед этой дряной девчонке какое-нибудь крепкое слово! Только так ли уж она виновата в том, что учитель не умеет по-настоящему заинтересовать своим предметом учеников? Тем не менее терпение у Любви Яковлевны лопнуло, и на следующий день меня вместе с мамой вызвали к директору школы (первый и единственный раз), ещё более пожилой строгой даме.

Дома вечером я стояла перед разгневанной мамой, вся зажавшись, молча глотала слёзы, слушая и не слыша её ругань. Мне очень жалко было её и себя, думала, что я действительно очень плохая, было очень обидно. А ещё я думала о том, что когда стану взрослой и у меня будут свои дети, я им буду совсем не такой мамой и буду относиться

к ним совсем по-другому. Удалось ли мне это, судить нашим детям. Но в нашей взрослой жизни для меня всегда на первом плане была семья, заботы о нравственном, физическом, духовном развитии детей, все остальные проблемы были приложением. Девочки уже взрослые, у них свои семьи, между нами полное взаимопонимание, думаю, они оценили наш труд. Что же касается наших с мамой взаимоотношений — какими в этом возрасте мы бываем строгими бескомпромиссными судьями по отношению к своим самым близким людям, как сладостно разжигаем и копим в себе обиды, как долго их помним, даже если сами были в чём-то неправы! Как жаль, что тогда в то время никто с нами не говорил о милосердии, добре, никто не учил науке любви, прощения, тому, что составляет основу православия! Мне тогда так не хватало моей кубанской бабушки Елены Никаноровны!

Она бы выслушала меня, успокоила, погладила по голове, с ней можно было говорить обо всём, и я бы знала, что я — хороший человек, только иногда забываю об этом, и что мама тоже хороший человек, только она много работает и очень устаёт, и что не надо обижаться на неё. Но Елены Никаноровны рядом не было, после таких сцен мама по несколько дней не разговаривала со мной, эти дни я не жила, мучилась. Постепенно мир в нашей семье восстанавливался, небосвод опять становился чистым, голубым, на душе легко, ясно. В минуты отдыха, хорошего настроения мама подробно рассказывала о своих детских годах, о жизни их большой семьи в Польше, о том, какие дружные, хорошие отношения были между братьями, как все дети заботились о маме, помогали ей, и старшие братья заботились о младших. Может быть, моя бабушка Сима более спокойно и терпеливо относилась к своим детям?..Ведь любому маленькому человеку надо постоянно знать, что его очень любят близкие люди, верят в него, дорожат им. И дело тут не в объятиях и поцелуях! Я же тогда была постоянной причиной маминого недовольства, раздражения, а часто и гнева. А мне тогда так не хватало брата или сестры, или ещё кого-то близкого, с кем можно было бы поделиться самым сокровенным! И как я завидовала своим одноклассникам, с важным видом рассказывавшим о своих братьях или сестричках!

Заходя домой к Инне, мы часто играли с её маленьким братиком. А когда у Вали Лапшиной появился братишка, мы с ней подолгу с удовольствием возились с этим щекастым черноглазым бутузом.

В 5-м классе у нас появилась новая ученица, девочка из офицерской семьи, Таня Красникова. Рослая, с крупными чертами лица, с красивыми чёрными глазами, очень открытая, простая в общении. Она быстро освоилась в классе, мы с ней очень сдружились.

Однажды зимой (зимы тогда, в начале 50х годов были снежными, морозными несмотря на умеренный прикарпатский климат) Таня позвала меня идти вместе к замёрзшему озеру, где она собиралась покататься на коньках. Домашние задания и все прочие дела тут же

вылетели из головы. Мы пошли. Я впервые увидела настоящие ботинки с коньками, надев которые можно было кататься по льду! Это был настоящий восторг! Покатавшись, Таня дала мне свои ботинки, помогла прикрутить коньки. На озере кроме нас каталось ещё несколько человек постарше. Сделав первые неуверенные шажки, посмотрев, как катаются другие, я поехала на пока ещё негнущихся ногах! Это была радость движения, ощущение будущего полёта и счастья. Я тогда «заболела» катанием на коньках на долгие годы. Но начали сгущаться тени, день стал клониться к вечеру, Таня засобиравшись домой, а мне так хотелось ещё покататься! Какой-то взрослый парень, видимо, пожалев меня, предложил мне свои ботинки с приклёпанными коньками, показал, в каком месте их можно оставить до завтрашнего дня. Я натянула эти громадные ботинки на свои тоненькие лёгкие и каталась до тех пор, пока окончательно не стемнело. И неважно, что лёд был в выбоинах, трещинах и буграх, что на озере никого уже не было, я была счастлива! Вернувшись домой, маму не застала, на кухонном столе лежала записка: «Я пошла тебя искать». Вернулась мама поздно вечером. Она ходила к Тане домой, взяв фонарь, они пошли на озеро, но меня там уже не было, Уроки к её приходу были сделаны, но это не помогло: влетело мне как следует, мама была очень расстроена. В дальнейшем, конечно, я старалась таких «загулов» не допускать. А свои коньки с ботинками (хоккейные, мои любимые «гагочки») появились у меня в 9-м классе — это был мамин подарок к Новому 58 году! Позже, после поступления в институт, мои конёчки приехали со мной в Рязань. Мы с друзьями-однокурсниками, с моим будущим мужем часто катались на катке, который заливали в Горроще около радиоинститута. А спустя несколько лет ходили на каток в парк Железнодорожников вместе с нашими девочками (совсем недалеко от нашего дома). На том озерке (озеро — слишком громко сказано) я бывала ещё не раз и одна, и с Таней. Возвращалась домой, переполненная радостью от свежего подмороженного звенящего воздуха, от голубых сверкающих сугробов, от красоты чёрных веток зимних деревьев на фоне ярких пламенных красок закатного неба.

Рис.7. 1976г. Рязань Мы с детьми на катке в парке ЖД

В Коломые для нас, ребятни, было ещё одно место, где можно было отвести душу, где можно было смеяться до упаду, плакать не скрывая слёз, где замирало сердце и взрывался эмоциями зрительный зал — это был наш, находившийся в центре города, кинотеатр имени Кирова. Хоть билеты на дневной сеанс стоили очень дёшево, но деньги в карманах были не всегда, а лишний раз просить их у мамы не хотелось. И когда толпа жаждущих с билетами в руках осаждала контролёршу, мы, детвора, всякими правдами и неправдами, чуть ли не под ногами у входящих, проползали, прорывались в зрительный зал, занимали первый ряд, в худшем случае садились на пол перед первым рядом, и замирали в ожидании. Сначала, как правило, показывали кинохронику о событиях в стране, потом начиналось чудо. Как мы смотрели «Подвиг разведчика», в мёртвой тишине сопереживая герою Павлу Кадочникову, и бурно радуясь его ловкости и успеху! А фильмы «Чапаев», о Зое и Шуре Космодемьянских! «Чапаева» смотрели несколько раз, мы не могли поверить в его гибель, и каждый раз, когда раненный герой плыл через реку Урал, мы криком поддерживали каждый его гребок, надеясь, что в этот раз он переплывёт! Уходили с лицами, залитыми слезами. А фильмы «Максимка», «Улица младшего сына», «Георгий Саакадзе», позже фильм «Каменный цветок» по сказам Бажова, английский переводной «Волшебная лампа Алладина», «Багдадский вор», «Васёк Трубачов и его товарищи» — прекрасные актёры, дивная операторская работа — сколько радости, сильных впечатлений мы получали тогда! А фильмы «Дети капитана Гранта» с необыкновенной музыкой Дунаевского, «Тарзан» стали нашими любимыми.

В библиотеке расхватали все экземпляры книги Жюль Верна, песня Роберта «А ну-ка песню

нам пропой, весёлый ветер!...» стала нашим гимном, доктор Паганель – Черкасов — любимым героем. После «Тарзана» в наших дворах вдруг появилось множество Чит и Тарзанов, по улицам неслись визг и улюлюканье, и взрослые всерьёз опасались, как бы ребята не переломали себе руки-ноги, раскачиваясь на верёвках и прыгая с дерева на дерево в подражание своим любимым киногероям. Но радость и сильные впечатления невозможны были без сопереживания всего зрительного зала, всей аудитории! Вот это и было необходимым условием, чтобы эти просмотры оставались в памяти на долгие годы. Кинофильмы раздвинули для нас рамки провинциальной жизни, одарили массой новых впечатлений, а песни, музыка из этих фильмов уходили жить в народ. В них тогда добро побеждало зло, правда торжествовала, а подлость и предательство получали заслуженное возмездие. Пусть они по тепершним временам кажутся наивными, но в них не было пошлости — бича наших современных теле – и кинофильмов, русский язык актёров был чистым, правильным.

Лето обычно, отработав практику на пришкольном участке, проводили в пионерских лагерях. 1-ю смену — в загородном лагере на окраине города недалеко от Прута, в оборудованной для этой цели 7-й школе, а на 2-ю и 3-ю смены наши мамы брали путёвки в своих профсоюзных организациях в Карпатские лагеря: в посёлке Яремче, в селе Микуличин (8 км от Яремче), в селе Ямна был выстроен большой республиканский лагерь. Приезжали туда ребята со всей Украины. Было, как обычно: костры на костровой поляне за территорией лагеря на открытие и закрытие смены, лагерная самодеятельность, спортивные соревнования между лагерями, танцы на танцверанде под баян, акордеон или патефон. Танцевали тогда становясь парами: мальчишки, пригладившие свои вихры, в наглаженных рубашках, и мы, принаряженные, с яркими лентами в косах, держась за руки, чинно двигались по кругу, старательно выполняя фигуры танцев па-д-эспань, па-д-эграс, польку, вальс, играли в «Ручеёк». Конечно, на танец кавалеры приглашали дам. Самое большое удовольствие доставляло нам купание в Пруту, походы в горы. Никогда не забуду, однажды отправились в горы 2 старших отряда во главе с начальником лагеря, старшим и отрядными вожатыми. К походу подготовились заранее, вышли в начале 5 часа утра, едва засерел рассвет, шли не останавливаясь, всё время в гору, и к 6ч утра были на вершине горы, второй по высоте после Говерлы. Чуть ниже горы плавали серо-белые полупрозрачные хлопья

тумана, сквозь них просвечивали тёмные массивы лесов, покрывавших склоны соседних гор, а над ними — во всю ширь неба в лимонно-жёлтых, золотистых, оранжевых облаках разлилась пока ещё бледно-розовая заря, подсвеченная ярко-красным краешком показавшегося из-за гор солнца. Дух захватило, на глазах выступили слёзы, мы долго стояли молча,

потрясённые, очарованные этой красотой. На обратном пути, спускаясь вниз, вволю наевшись малины, росшей на склонах, вышли на полонину, где паслись стада овец (отары), подошли к пастушьему шалашу. Овчары встретили нас приветливо, расспрашивали, откуда мы, угостили вкусным солоноватым овечьим сыром, дали напиться родниковой воды, а кто хотел — кислого овечьего молока. Они показали нам трембиты — длинные, до 2м трубы, сделанные из бересты, украшенные орнаментом. С помощью этих труб овчары, находящиеся со стадами на разных горах и склонах, подают друг другу сигналы о надвигающихся бедствиях, переговариваются между собой. Разговаривали с ними по-украински, конечно, да и наши вожатые были из местных, студенты Станиславского пединститута, молодые школьные учителя из разных районов области. К тому времени украинский язык стал для нас привычным вторым языком. Мягкая неяркая и такая волнующая красота карпатской природы на всю жизнь вошла в моё сердце.

Рис.6 Гуцулы – овчары на полонине (фото О.Кузьменко)

Вивци ж мои , вивци,
Вивци та й отари!
Хто ж вас буде пасти,
Як мене не стане...

Отрывок из народной гуцульской песни

Август 1955г. Закончилась 3я смена в лагере в Ямне. Оттуда мы уезжали на поезде,

разместились по вагонам отрядами со своими вожатыми. Живописная дорога была проложена в горах, часто проезжали сквозь тоннели, становилось немного жутковато в наступавшей темноте. Примерно в середине пути поезд вдруг остановился, зазвенели разбитые оконные стёкла. Вожатые велели нам сидеть, не двигаться, пошли выяснять, что случилось. Что-то не помню, чтобы мы испугались. Сидели, рассказывали разные страшные случаи, как обычно в палате после отбоя. Через полчаса поезд тронулся, набирая ход. Оказалось, в тот день к железнодорожному полотну спустились остатки бендеровских банд. Узнав, что едут дети, поезд пропустили, а могло быть и хуже — они тогда часто напоминали о себе: случались тогда ещё налёты на сельсоветы, убийства из-за угла. Что интересно, не было тогда ни в пригородных поездах, ни в лагерях никакой охраны. Охранные функции по ночам выполняли дежурившие по очереди начальник лагеря, физрук, старший и отрядные вожатые. Если надо было отлучиться из лагеря (например, отправить маме письмо), достаточно было сказать об этом отрядному воспитателю. Особых проводов-встреч после окончания лагерной смены не было. Все проводы в лагерь заканчивались на пороге дома, а потом — чемоданчик в руки, и вперёд на место сбора. Приезжая, бежали к близким на работу. Да и страха особого не было, несмотря на то, что в Прикарпатье обстановка тогда была напряжённой. Жили спокойно, не прятались, как сейчас, за железные двери. По вечерам в хорошую погоду люди выходили из домов, шли на центральную и прилегающие к центру улицы погулять, встретиться и пообщаться со знакомыми, подышать свежим вечерним воздухом.

А в наше время страна, мне кажется, поражена пароксизмом страха. На наши мозги и в уши с начала 90х годов постоянно льётся информация об убийствах, катастрофах, преступлениях. Населению постоянно внушается мысль, что жить — страшно. И зомбирование людей этой «чернухой» продолжается! Вот люди, поддавшись этому внушению, и заперлись в своих комфортабельных квартирах за железными дверями, как в тюремных камерах, дачники огораживают свои участки двухметровыми каменными или железными заборами. В любых учреждениях (торговля, медобслуживание, разного рода конторы, учебные заведения и т.д.) стоят охранники ростом под потолок, плечи шире дверного проёма, оснащённые средствами связи, оружием, обшаривают глазами каждого посетителя, как потенциального преступника — чем не территория тюрьмы?! Как легко власть имущим манипулировать в такой обстановке сознанием оболваненного напуганного населения! Только зря стараются: народ в общей массе давно уже потерял доверие к властям.

Уже будучи студентами, мы с Сергеем, будущим мужем, несколько раз приезжали

в Коломыню погостить у мамы, а потом отправлялись в горы, побывали в Закарпатье (Рахов, Мукачево), незабываемое впечатление оставило находящееся высоко в горах озеро Синевир (Синий омут), глубина которого достигает 40 м, вода ледяная и чистая настолько, что виден каждый камешек, лежащий на дне.

На снимках ниже фотографии наших карпатских этюдов.

Рис.9. Мы с Валей в лагере в Яремче, на берегу Прута. Нетрудно догадаться, кто – где.

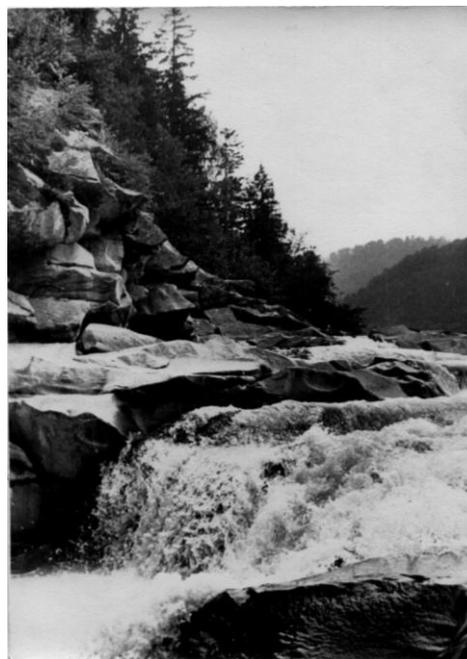

Рис.10. Водопад в Яремче

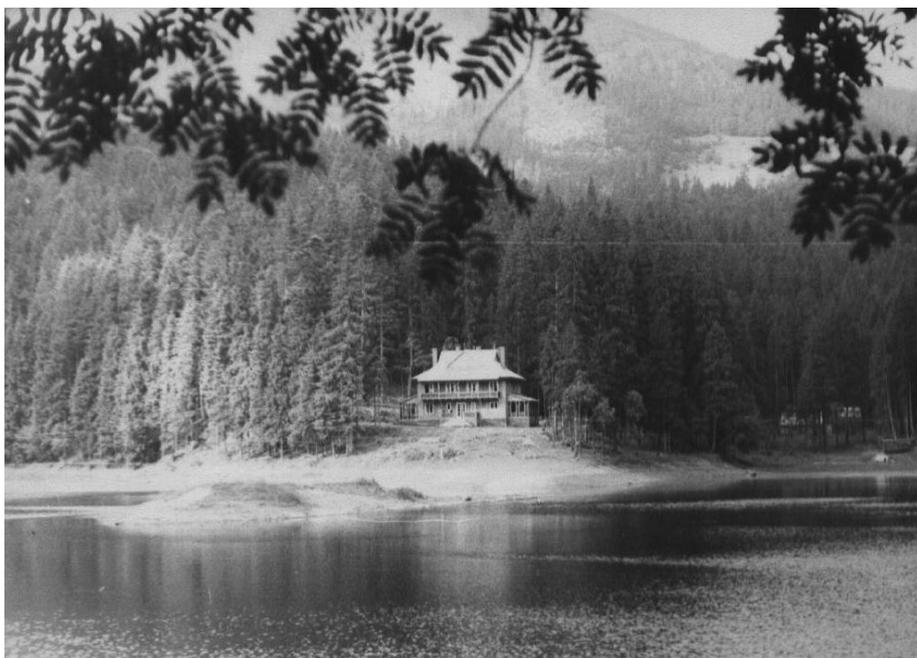

Рис.11.Турбаза на озере Синеvir

Рис.12. Озеро Синеvir в вечернюю пору

Рис.13. с.Шешеры — единственное место в Карпатах, где можно увидеть играющую в водопадах форель

Рис.14. Ивано Франковская обл.
Пос.Яремче. Памятник героям-партизанам отряда С.А.Ковпака

Была тогда в жизни пионерских лагерей Прикарпатья ещё одна традиция: ежегодно в каждую смену все лагерные отряды, включая малышей, приходили к памятнику героям-ковпаковцам и их командирам вспомнить об их героической борьбе с фашистами, отдать дань памяти погибшим в тяжелейших боях за освобождение Родины, ещё раз услышать рассказы о героическом рейде отряда, а потом партизанской бригады под командованием С.А.Ковпака в 1942 – 44гг от Путивля до Карпат.

На снимке слева — современный памятник героям-партизанам. По бокам — плиты с выбитыми именами погибших воинов.

В моей памяти сохранился совершенно другой памятник: композиция из двух полуфигурных скульптурных портретов генералов-побратимов Сидора Артёмовича Ковпака и его комиссара Семёна Николаевича Руднева, окруженных барельефами с фигура-

ми партизан. Руднев погиб в боях там, в районе Делятина, в неравном бою с немцами. Тот памятник был более наглядным, больше соответствовал исторической правде: в отряде Ковпака воевали и жители Лео- и Право- бережной Украины, и солдаты Красной Армии, во время отступления отставшие от своих частей или вырвавшиеся из окружения. Видимо, современным украинским политикам не хочется признавать факт единения всех народов страны в борьбе против захватчиков. В результате — вот такой памятник – новодел. В конце 90-х годов мы получили от своих Коломыйских друзей сообщение о том, что в городе снесены все памятники воинам Красной Армии, освобождавшим город от немцев, центральная улица, носившая имя Ленина, переименована в улицу Степана Бандеры, и ему установлен памятник в центре города. Какая короткая память у этих политиков-самостийников!

Роль Ленина хорошо известна в истории страны, по росчерку его пера или устному указанию тысячи ни в чём не повинных людей были отправлены на смерть. В настоящее время никто достоверно не сможет установить, сколько сотен или тысяч людей погибло от рук бендеровцев. Во время войны они сотрудничали с фашистами, отдавали им на разграбление целые сёла, а после войны, скрываясь в горах, устраивали налёты на сёла, убивали сельсоветчиков, юношей и девушек, поступавших на учёбу во вновь открытые училища или техникумы. А если узнавали, что кто-то из них вступал в комсомол, вырезали всю его (её) семью. Их бандитские вылазки продолжались ещё долго. В 1960 г в Коломые во время Праздника Песни выстрелом в спину был убит секретарь Горкома комсомола (из местных). Так чью же память решили увековечить современные западноукраинские власти?! Бандита и убийцы, предателя собственного народа.

Между тем жизнь продолжалась. Мама много работала, погрузившись в работу, в общение с новыми друзьями, знакомыми; она была, как рыба, вытащенная на берег, а потом, полузадохшая, вернувшаяся обратно в свою стихию, Можно было опять дышать, жить, чувствовать себя человеком! Я по своему детскому эгоизму, глупости, максимализму не понимала этого. Прости меня, мамочка, дорогая. Ведь только в работе, в общении с людьми она могла на время забыть о пережитом, о горьких утратах, не думать о своей искалеченной судьбе. Мы с ней словно старались наверстать упущенное за годы безвременья. Мама у своих новых украинских друзей научилась хорошо готовить. Какие ягодные наливки были у нас к праздникам, а пироги и разная выпечка получались у неё необыкновенно вкусными! Особенно мамыны кулинарные способности пригодились после нашего переезда в дом на улице Шевченко: мы постоянно общались с соседями, друзьями, заходили знакомые, а где общение, там и угощение. В Коломыйской медшколе возникла традиция: студенты наряжались в украинские национальные костюмы и на Рождество Христово обхо-

дили с колядками и приветствиями самых уважаемых медиков города. Приходили и к маме, было очень весело: большой группой становясь в круг, пели колядки, говорили стихи и разные хорошие слова, танцевали вместе с хозяевами дома. Очень приятно было угощать их вкусностями маминого приготовления, орехами. Жаль, мама не учила меня готовить, и всю науку ведения домашнего хозяйства пришлось постигать с нуля, уже выйдя замуж. Наших девочек Юляшу и Галочку я начала приучать к домашним делам с трёхлетнего возраста, и эта наука позже дала неплохие результаты, полезные прежде всего для них самих. Не обошли мы с мужем в этом вопросе и наших деток (так мы зовём внуков). Проводя каждое лето у нас на даче в Алёканово, они кое-чему научились. Оба, и Гриша, и Гошка (между ними разница 4 года) сами стирали своё бельё, шорты, майки. Сначала делали это неохотно, старались увильнуть, но потом, войдя во вкус, с удовольствием надевали выстиранную своими руками, прожаренную на солнце одежду, хвалясь друг перед дружкой, у кого она чище. Дежурили по очереди на кухне: накрыть на стол, после еды убрать со стола, вымыть посуду, вымести мусор. Работали на грядках, особенно хорошо у них получалось собирать урожай ягод, горох; сажали черенки кустарников, сеяли рожь на подготовленных участках — тут иногда доходило до драки: каждый хотел получить участок побольше.

Думаю, этим московским мальчикам, избалованным интернетом, поездками за рубеж, катанием на горных лыжах и прочими развлечениями, очень не хватало умения работать на своей земле. И как истово, старательно они это делали! С помощью дедушки научились работать столярным инструментом, помогали мужу заколачивать гвозди на стройке, себе под его руководством выстругали деревянное оружие.

Может быть, поэтому сейчас 11-летний Гоша и 15-летний Гриша — надёжные помощники в доме, в отсутствии зятя они самостоятельно могут выполнить любую домашнюю работу, даже накормить и уложить маленькую сестрёнку, если мама очень занята.

Рис. 14 Мужики работают

Рис.17. 2007г. Сеятели

Что касается отношения к вере в Бога, я тогда, как и все мои одноклассницы и подружки по пионерским отрядам в лагерях, была пионеркой. Все мы носили галстуки, значки и твёрдо знали, что Бога нет. Но! Я знаю наверняка, что у моих подружек-украиночек из Дома пионеров и лагерей под красными галстуками и белыми рубашечками на шее висели крестики, и знаю, что никакая сила ни за что на свете не заставила бы их расстаться с этими крестиками. Это шло от семьи, от глубоких укоренившихся традиций. И слава Богу! Многих из этих девочек я видела воскресным утром в день празднования Пасхи. В платочках на головах они рано утром шли вместе с бабушками в церковь, в белых узелках несли святить куличи и яйца-писанки. Их дорога шла мимо нашего дома. В спорах по поводу веры в Бога они не участвовали, знали всё лучше нас, девочек из русских школ, воспитанных в духе безбожия под треск пионерских барабанов, пронзительные звуки горнов и под бодрые маршевые песни. Наши старшие наставники строго следили за тем, чтобы пионерские галстуки были повязаны правильно, чтобы в строю мы шагали в ногу и в лад громко пели пионерские песни, чтобы все без исключения участвовали в сборе металлолома, долго валявшегося потом во дворе школы, и называли нас почему-то только по фамилиям. До наших душ никому не было дела; воспитывали послушных роботов. Сколько драгоценного времени было для нас упущено! А жаль! Будь мы с детских лет приобщены к настоящей вере (я не имею ввиду формальное соблюдение церковных обрядов), возможно, избежали бы многих ошибок, да и судьбы сложились бы по другому. Впрочем, у каждого своя тропа к Богу. наших деток мы со свахой и их отцом окрестили. Юля не возражала. Пусть находятся под Его защитой!

В 1954г было объявлено о введении совместного обучения мальчиков и девочек. Половину нашего класса перевели в 9-ю мужскую школу, соответственно половина их классов переходила в 8-ю. Мы очень боялись этих перемен, к своей школе привыкли, но ничего нельзя было изменить. Отстояв большую очередь в новой для нас школе, получили на руки учебники на следующий учебный год в 6 классе, разъехались по лагерям.

Кончилось беззаботное ласковое лето, наступил учебный год 1954-1955гг в 9й школе вместе с мальчиками. Старое 2х-этажное здание школы находилось на улице Кирова, по моему, самой красивой, чистой и уютной в городе. По обеим её сторонам росли старые каштаны с толстыми стволами и раскидистыми кронами. Весной, когда деревья покрывались листьями, их кроны смыкались, и казалось, идёшь по зелёному коридору. А когда распускались белоснежные облака каштановых свечей-соцветий — эта красота завораживала, город окутывался их сладким ароматом. Летом на этой улице было прохладно, можно было укрыться от жарких солнечных лучей. Рядом со школой был вход в парк им.Кирова, заросший высокими старыми деревьями, с летним кинотеатром и танцверандой. Дорожки в парке всегда были чисто выметены, дворники и немногочисленная гуляющая публика поддерживали чистоту. И улица, и парк были любимым местом уединения влюблённых пар, гуляли мамы с малышами, пожилые люди. На танцверанде по выходным дням устраивались танцы, играл духовой оркестр. И когда в вечернем сумраке разносились звуки «Амурских волн» или вальсов Штрауса, почему-то перехватывало дыхание, становилось страшно и радостно до слёз, казалось, впереди ждёт счастливая, красивая жизнь. Напротив парка, справа, если пройти по улице от центра немного вперёд, в невысоком красивом белокаменном здании с широкой лестницей, колоннами (наверное, чья-то бывшая вилла) располагалась библиотека для взрослых с большим уютным читальным залом. Туда мне вскоре разрешили записаться: в детской библиотеке уже всё было прочитано.

В свой новый класс мы, девочки, пришли настороженными, сели за парты вдвоём, как раньше. Мальчишки нам тоже не очень обрадовались, класс сразу поделился на две половины: левая — девочки, правая — мальчики. У девочек по-прежнему была единая школьная форма: коричневые платья с белыми воротничками и манжетами, чёрный фартучек — повседневная. В торжественных случаях платье то же, белый фартук, или можно было надеть пионерскую форму: белая блузка, тёмно-синяя юбка. Обязательно надо было носить пионерский галстук и приколотый к фартуку пионерский значок (позже комсомольский). Внешний вид — только косы, ничего другого не допускалось. В 6-м классе у меня, наконец-то, появилась настоящее школьное форменное платье, из шерстяного кашемира, очень красиво и удобно сшитое. По маминой просьбе мне привезла его из Москвы мамина заведующая, куда ездила на какой-то медицинский форум. Мальчики должны были носить короткую стрижку — под

машинку, можно было оставить небольшой чубчик или чёлку. Форма одежды – тёмная куртка и брюки, белая рубашка. Наша новая классная руководительница Галина Ивановна Лысенюк через некоторое время рассадила нас с мальчиками. Мне досталось сидеть с Муравьёвым, большим неуклюжим переростком. Правда, он мне не досаждал, охоты к учёбе у него не было, еле тянулся с тройки на тройку. Таких ребят в новом классе было несколько человек: дети погибших или пропавших без вести на фронте отцов. Дотянув до окончания 7-го класса и получив на руки свидетельство, они ушли, кто — в ремесленное училище, кто — учеником на рабочее место.

Мы, девочки, в свои 12 - 13 лет уже вступили на порог девичества, и мальчишки не без интереса поглядывали в нашу сторону. Но у девочек взросление, видимо, наступает раньше, нам они казались какими-то недоростками, часто задирались, дурачились, скорее всего от смущения и неумения установить с нами приемлемый характер взаимоотношений. Из них, своих новых одноклассников, я сразу выделила Сашу Князева и Володю Батракова. Они были подтянуты, всегда опрятно одеты, держались спокойно, сдержанно, не участвовали в дурацких проделках, инициатором которых был, как правило, Сашка Постников, бич божий для Галины Ивановны, других учителей и для всей школы. У него были взрослые друзья на стороне, желания учиться — никакого. Тянул с 2 на 3, постоянно придумывал какие-нибудь развлечения, срывавшие очередной урок, и опять – вызов родителей к директору школы. Видимо, только жалея его маму, Сашке дали окончить 7 классов и получить свидетельство. Мальчики тоже, как правило, были из офицерских семей. И одного из них я невзлюбила сразу. Ростом он был выше всех нас на голову, громкоголосый, распушенный, никаких ограничений для себя не признавал — как же, полковничий сынок! Однажды на перемене выхватил из парты мой портфель, перевернул его вверх дном и вытряхнул всё, что там было, куда попало, брал поочерёдно книжки, тетрадки, всё остальное, подбрасывая вверх на потеху окружившим нас мальчишкам. Меня просто захлестнула волна ярости, я крикнула ему: «Верни всё на место!», и в ответ услышала нечто такое дикое, что повторить невозможно. Мне показалось, что меня ожгли хлыстом. Наступила мёртвая тишина, только где-то недалеко тихонько тинькало: тинь, тинь, тинь... Я схватила свой лежавший на парте деревянный пенал с карандашами и ручками и изо всей силы ударила по этой наглой, ухмыляющейся роже. Выбежала из класса, меня трясло, забила в какой-то закуток внизу у окошка, долго стояла там. Услышала за спиной голос Галины Ивановны: «Успокойся, иди в класс». Мой портфель был собран, лежал на месте, Саглаев сидел с огромным фиолетовым синяком на морде. На следующий день к директору явился папа-полковник защитить дитя. Меня вызвали в директорский кабинет, я при них, при папе и сынке рассказала всё как было, и не выдержав, в слезах ушла. После того дня Саглаев держался от меня на рассто-

янии не меньше 2х метров, и только косился в мою сторону и плевался, когда ребята сочувственно спрашивали его, не болит ли щёчка. Сашка Постников посмеивался: «Как ты ему вмазала!» Да, детдомовская закваска сидела во мне крепко. С того дня на парте у меня на видном месте всегда лежал мой деревянный пенал, это на случай, если у кого-нибудь память заржавеет. Маму в этот раз в школу не вызывали, ей не нужно было знать о случившемся. А ребята стали относиться ко мне и остальным девочкам как-то по-другому, уважительнее, что-ли. Позже девочки рассказали, что Саша Князев и Вова Батраков схватили тогда за руки разъярённого Саглаева, не дав ему догнать меня и прибить на месте. Между прочим, у меня тогда было встречное желание растерзать его. К счастью, благодаря Саше и Вова, эти чёрные замыслы не сбылись. Они же, Саша и Вова, и собравшиеся вокруг мальчишки под угрозой поставить фонарь на другую щёку заставили его собрать всё раскиданное и убрать на место. Галина Ивановна мне потом тихонько посоветовала не распускать больше руки. Но кто бы и что не говорил мне, я знала, что поступила правильно: нельзя прощать хамство, нельзя позволять унижать себя!

Прошло уже около 2-х месяцев после того случая, каждый день одаривал новыми впечатлениями. Мимо Саглаева я проходила как мимо пустого места, хотя пенал по-прежнему лежал на парте; всё произошедшее стало забываться, и вдруг он подошёл ко мне на большой перемене. «Ты, это, ты не бойся – говорит – ну, дурак я тогда был» — и замолчал, поняв по моему лицу, что говорит что-то не то. «А ну тебя – махнув рукой, повернулся, пошёл, потом вернулся — в общем, я хотел сказать, то больше не повторится. А ты, если кто к тебе начнёт приставать, только скажи, я – во-о!» И показал свой здоровенный кулачище. «Лады?» Я молча кивнула головой, еле сдерживая смех: так нелепо, непривычно выглядела его смущённая физиономия. Злость давно растаяла, я только не понимала, сам он до всего додумался, или кто-то хорошо прочистил ему мозги. Потом забылось...

А насчёт «бояться – не бояться»... Самое опасное — собственный страх. Мне так кажется.

Коломыйский военный гарнизон не был постоянным по своему составу: многих офицеров, отслуживших здесь какое-то время, отсылали продолжать службу в других частях, с ними уезжали их семьи. Оставались в городе отслужившие свой срок, вышедшие на пенсию. На место уехавших прибывали новые, соответственно, менялся по составу и наш класс. В 7 классе уже не учились с нами Саша Князев и Вова Батраков. Жаль, хорошие были ребята, надёжные.

И всё равно, тогда нам, и девочкам, и ребятам, очень пригодилась бы в установлении нормальных отношений помощь детского психолога, человека умного, тонкого, умеющего хорошо разбираться в подростковой психологии, помочь избавиться от каких-то комплексов.

Галине Ивановне решать эти вопросы было не под силу, её длинные возмущённые монологи на повышенных тонах были безрезультатны. И помощь нам пришла — в лице новой учительницы английского языка Марии Львовны, жаль, не могу вспомнить её фамилию. В школе знали всё про всех, говорили, что во время войны она служила на фронте военным переводчиком. Невысокого роста, крепко сбитая, над круглым улыбчивым лицом шапка чёрных коротко остриженных вьющихся волос, из-под очков — лукавый озорной взгляд. Вместе с её появлением на пороге в класс врывается какая-то волна радости, настроение у нас повышалось на несколько градусов. Она звала нас по именам (никогда не путала), быстро поднимала одного, другого, третьего из-за парт, задавала по-английски вопросы по домашнему заданию, проверяя его выполнение. Потом начиналось увлекательнейшее действие, больше напоминавшее игру: перекрёстные диалоги на разные темы, вопросы – ответы, летавшие как мячики от одного ряда к другому, тут же мы сами хором вносили поправки, если кто-то ошибался, шутки, смех — в эту игру втягивались даже самые отъявленные лентяи Постников, Саглаев, Муравьёв и другие. И только в конце урока Мария Львовна быстро объясняла новые правила, писала на доске домашнее задание, мы собирали, отдавали ей на проверку наши тетради. Уроки проходили на одном дыхании, было настолько интересно, что исчезали вопросы выяснения отношений, забывались взаимные обиды. Английский язык стал нашим любимым предметом, обзавелись разговорниками, на переменах, по дороге в школу, из школы старались говорить по-английски, уроков ждали, как праздников. Она была в полной уверенности, что её предмет самый главный в школьной программе, разгильдяям, плохо выполнившим домашнее задание, могла дать по щеке маленькой крепкой ручкой или оттрепать за уши. Зато если текст был прочитан с хорошим произношением, лицо её расплывалось в довольной улыбке, счастливого гладила по голове, слегка обнимала за плечи, говорила хорошие слова. Иногда и нам с Инной, Валец Лапшиной доставалось такое поощрение. На большой перемене Мария Львовна всегда была окружена толпой старшеклассников, слышались шутки, лёгкие необидные подколки, взрывы смеха. На неё никто никогда не обижался: она любила наше беспокойное и успешное много повидавшее племя детей военной поры, работа в школе, преподавание были для неё смыслом жизни. Ушла она от нас после 7 класса, куда – не знаю. Спасибо Вам, Мария Львовна, что Вы были тогда с нами.

Галина Ивановна вела у нас украинский язык (мову) и литературу. Всё правильно, мы должны были знать культуру, историю, обычаи народа, среди которого нам довелось жить. В поэзию Тараса Шевченко я влюбилась сразу, «Заповіт» просто навсегда врезался в память. Какие переливы музыки, чувств в его речи, какая связь его поэзии с украинской природой и какая горестная судьба этого тонкого художника-поэта! (А у кого из наших

поэтических гениев она счастливая?) Плакала, читая его поэму «Катерина». И сейчас дома в книжном шкафу живёт том его стихов «Кобзар», время от времени возвращаюсь к нему. Без негромкого, но такого чистого и искреннего голоса поэзии Тараса Шевченко невозможно представить себе нашу духовную жизнь, нашу культуру, так же, как без яркого могучего пушкинского стиха, без суровой и горькой нежности лермонтовской лирики. Позднее было знакомство с прозой М.Коцюбинского, Ивана Франко, Леси Украинки. Впечатление от их рассказов было тяжёлым, грустным: уж очень тёмными красками была описана жизнь и быт украинской деревни.

Что сказать о преподавании истории в школе в те годы? Мы этим предметом занимались с пятого класса. Изучали историю древнего Египта, древней Греции, частично древнего Рима. Впрочем, назвать историей отрывочные несистематизированные сведения в наших учебниках нельзя. При изучении древнего Рима нам почему-то не рассказали о зарождении христианства на Ближнем Востоке, находившемся тогда под протекторатом Рима, о причинах распада огромной римской империи и т.д. Не спорю, грамотные люди в нашей стране должны были иметь представление о древних западных, южных, юго-восточных цивилизациях. Но при этом — ни слова о великих географических открытиях, свершённых испанскими, португальскими мореплавателями, о причинах и целях этих открытий. И, самое главное, мы, выпускники школ, с пятёрками по истории в своих аттестатах, ничего не знали о истории своей страны, в которой жили, о том, где, когда, откуда начиналась древняя Русь, о древних племенах, живших на территории современной России, о древних летописях. Нам не рекомендовали литературу, в которой можно было бы почитать об этом поподробнее. Стыдно сказать, о киевских князьях Олеге и Владимире я знала только из поэм Пушкина «Песнь о вещем Олеге» и «Руслан и Людмила». Пробелом в знаниях это назвать нельзя — полная историческая безграмотность. Это же, увы, продолжалось и в институте: мы изучали на младших курсах историю КПСС; надо было затвердить на память даты проведения съездов партии и пленумов ЦК, зазубрить их повестки дня и принятые на них решения, иначе не сдашь зачёт или экзамен, а это было чревато. А мертворожденные науки истмат, диамат, философия марксизма-ленинизма, научный коммунизм — ни в лекциях, ни в учебниках — ни одной новой живой конкретной мысли, в основном перепев классиков марксизма-ленинизма. Было мучением сдавать зачёты по этим предметам. Сколько средств, времени и усилий было затрачено впустую!

Пришлось начинать изучать историю заново, когда стали подрастать и задавать вопросы наши девочки. Искали нужные сведения в БСЭ, в запасниках библиотеки им.Горького, помогали девочки-библиотекарши из заводской библиотеки: находили по своим каналам и приносили по моей просьбе нужную литературу, но её в 70-80-е годы было так мало!

Зато в начале 2000х годов возникли новые издательства, Юля находила и приобретала для мальчиков новые хорошо изданные, прекрасно иллюстрированные книги издательства «Белый город», выходявшие целыми сериями, так что наши детки, читая подробные рассказы, рассматривая иллюстрации, получали более-менее достоверные сведения по истории России, и не только. А школьные учебники по-прежнему можно было не открывать. Заглянув однажды, убедилась — пустота, искажённые чьей-то интерпретацией факты или откровенная ложь. Несёт-ли кто-нибудь из министерства просвещения ответственность за подготовку и выпуск такого учебного материала?! Я в этом не уверена.

То же самое относится и к изучению географии. Нам рассказывали о составе почв той или иной территории СССР, о климатических и температурных зонах, о том, где какие текут реки и растут леса, о животном мире, где какие живут народы. Но ни слова о времени и причинах появления этих народов в местах их теперешнего проживания, о национальных традициях, образе жизни этих народов, о великих географических открытиях наших предков, населявших русский Север, Архангелогородчину, русских учёных, моряков-полярников, и т.д. Почему? Кому надо было, чтобы новое подрастающее поколение не знало своей страны? Говорят, не зная прошлого, не построишь будущего. Какое будущее может построить наше современное безграмотное поколение молодёжи? У меня нет ответа на эти вопросы.

Физика меня не особенно заинтересовала, учила, так как этот предмет был в школьной программе. С математикой — интересней: в задачниках по алгебре, геометрии на каждое правило давалось несколько страниц примеров и задач. Решай – не хочу, тренируй мозги.

Вскоре подошёл Новый 1955г, а с ним – зимние каникулы. За несколько дней до праздников в детскую больницу для сотрудников привезли целую машину ёлок, и теперь у нас дома впервые за много лет стояла невысокая стройная лесная красавица, радуя своей свежестью и ароматом. Мама купила большой набор ёлочных игрушек (это был подарок мне к Новому Году), добавили всевозможных самоделок, орехов. Мой подарок маме был — вышитая тайком диванная подушка, тут же занявшая место на маминой постели.

Все каникулы радовались на эту красоту, подружкам тоже ёлка очень понравилась. Часть игрушек из этого набора живёт у Юли, часть, несмотря на перезды, сохранилась у нас, и на каждый Новый Год они занимают почётное место на новогодней ёлке. К Новогоднему школьному утреннику первый раз за годы учёбы сшили мне из марли, окрашенной в растворе марганцовки, карнавальный костюм «Русская народная сказка». Корону и сарафан украсили нанесёнными на крахмал блёстками от разбившихся игрушек, бисером и бусами — помогла Анна Васильевна. Вот была рукодельница! Костюм оценили. Новый Год мы, как все последние годы, встречали с ней, благо, жили теперь рядом, на одной улице. Они

с мамой напекли пирогов, печенья, поставили на стол много всяких вкусностей, зажгли свечи на ёлке. Было уютно, красиво, радостно. Слушали хорошую музыку, у Анны Васильевны был патефон и много пластинок с записями песен, романсов, арий из опер в исполнении Шаляпина, Собинова, Неждановой, Обуховой, Марфесси, более поздней Клавдии Шульженко. Несмотря на праздничную обстановку, лица мамы и Анны Васильевны были задумчивы. На каникулах ходили в кино, друг к дружке в гости, теперь мне не было стыдно приглашать девочек к нам домой, много читали. А ещё посмотрели с мамой спектакль в нашем драмтеатре, поставленный по легенде про Олексу Довбуша, национального гуцульского героя. Играли актёры так, что во время действия сидели не дыша; мы часто бывали в театре, видели много хороших постановок. Бывала я и в Доме Пионеров, встречалась с Валентиной Михайловной, очень была привязана к ней, смотрела новые работы кружковцев, по её совету начинала ту или иную вышивку, получая от неё рисунки, и всё необходимое. Рукоделие по-прежнему не бросала.

Рис.18.

Рис.19.

На фотографиях – Анна Васильевна (слева) и мама в эти годы.

Рукоделием, вышивкой тогда увлекались многие, и взрослые женщины, и мы, девчонки. Во всех домах, где мы бывали с мамой, или я у своих подруг, русских и украиночек, на столах, этажерках, комодах лежали красиво вышитые салфетки гладью, ришелье, некоторые мастерицы вышивали скатерти, полотенца, занавески, наволочки, покрывала. А ведь работали тогда с одним выходным днём в неделю плюс семья, домашние неотложные дела. Девочки вывязывали себе крючком красивые воротнички и манжеты на школьную форму. Не отставали и мужчины: строгали, выпиливали, выжигали, собирали необычные полочки, шкафчики, мальчишки в Доме пионеров делали авиамодели, модели кораблей, сёстрам и мамам ко дню рождения или на 8-е Марта — какие-то милые поделки из дерева.

В нашей семье по-прежнему жива эта традиция. Девочки выросли в сшитой, связанной и украшенной моими руками одежде. Юля начала шить с 8 класса, позже, учась на 3 курсе московского института лёгкой промышленности, начала шить на заказ, отказалась от нашей финансовой помощи, самостоятельно оплачивала свои туристические поездки. Своим маленьким сыновьям шила куртки, комбинезоны, туристское снаряжение.

Наша младшая дочь стала настоящим Мастером, создаёт уникальные по красоте вещи.

Потом началось 2-е полугодие, быстро подошла весна, расцвели цветы в нашем садике под окнами. Учебный год я, как обычно, закончила с двумя или тремя четвёрками, началось лето. В наступившем году работникам Коломыйских учреждений начали выделять вблизи городской черты участки под посадку картофеля. Желających заняться выращиванием овощей отвезли туда на машине. Семенами помогли мамыны сотрудники, и они же, и сосед Сергей Петрович Галичин подсказали нам, как и что надо делать. Несмотря на полное отсутствие опыта мы с мамой собрали неплохой урожай картофеля, моркови, крупной, сладкой. Видимо, благодаря плодородной почве. Эти первые навыки огородничества очень пригодились в моей будущей взрослой жизни. В последующие годы ещё два раза мы сажали и выращивали овощи, но потом эту практику пришлось прекратить: у мамы стало сдавать сердце, всё чаще повторялись сердечные приступы. В таких случаях маме нужна была экстренная помощь и она научила меня кипятить шприц, делать ей внутримышечные уколы кордиамина или кофеина. Поначалу дрожали руки, потом освоилась. Подстёгивало понимание, что в критическую минуту никто кроме меня помочь ей не сможет. Когда чуть отпустило, просила присмотреть за мамой соседскую бабушку, бежала за врачом.

Этот год принёс много новостей, и самой главной из них был перевод нашей школы в новое здание. В нём раньше был горсовет. И какое здание! 3 этажа, просторные, залитые солнцем классы, широкие коридоры, актовый и физкультурный залы, внизу — такая же просторная раздевалка с большим зеркалом(!) на стене. И находилась теперь школа в очень интересном месте: в этой точке сходились все наши пути, от неё начинались все главные улицы города: направо — улица Ленина, прямо — улица Кирова, немного левее — улица, ведущая к заводу сельхозхозмашин и к вокзалу, налево — улица Ворошилова с городским стадионом. В тёплое время года там у нас проходили уроки физкультуры, весенние школьные спартакиады, несколько лет спустя мы с подругами по заводской баскетбольной команде туда ходили на тренировки. На левом углу от школы между улицами Ворошилова и вокзальной(условно, названия не помню) был разбит уютный сквер, засаженный декоративным кустарником, с памятником воинам-освободителям Советской Армии, цветочными

Рис.20. Коломыйская средняя школа № 9

Фото О.Кузьменко

газонами, лавочками, вымощенный плиткой, всегда чистый, ухоженный.

Здесь мы позже гуляли часто гуляли с маленькой Юлей. Противоположно улице Кирова мимо здания школы шла улица, на которой в небольшом одноэтажном здании располагались школьные мастерские с металлорежущими станками, верстаками с тисками и комплектами слесарных инструментов, выделенные для школы заводом сельхозмашин, нашими шефами. Позже там уроки проходили труда.

В 7-й класс пришло много новых ребят. За лето все наши одноклассники подросли, возмужали. Особым шиком у них было зимой ходить в школу в отцовских шинелях, шапках- ушанках со звездой, вместо портфелей носили отцовские планшеты. Стали более подтянутыми, больше теперь следили за своим внешним видом. Наверное, за лето изменились и мы. Новые предметы вели новые учителя. Из них заметно выделялась Лидия Андреевна, преподаватель химии. Не знаю, чем она смогла покорить нас: среднего роста, обычное лицо, из-под красивых чёрных бровей внимательный взгляд серо-голубых глаз. Всегда бледная, она постоянно куталась в большой пуховый платок. Говорили, что она во время блокады находилась в Ленинграде. Голос у неё был негромкий, но на её уроках всегда стояла мёртвая тишина, мы старались не пропустить ни одного её слова, и рассказывала она о своём предмете так интересно, что мы все, конечно, увлеклись химией. Когда Лидия Андреевна вызывала желающих поучаствовать в том или ином опыте, вырастал лес рук. Как только заканчивался урок, к учительскому столу наперегонки мчались самые наши отчаянные и хулиганистые мальчишки (Бережной, Постников,..), чтобы помочь ей отнести штативы с пробирками, колбы, реторты с реактивами — кабинетов тогда не было. Получить у неё хорошую отметку было непросто, а вот подучить материал и исправить в конце четверти полученную плохую отметку, например, 3, на хорошую — невозможно. Она не шла ни какие компромиссы: как занимался в четверти, то и получай. Вот так у меня в конце первой четверти в таблице появилась тройка — первый и последний раз за годы моей учёбы. Очень стыдно было перед мамой, злилась на себя, но это было мне хорошим уроком, заставило более серьёзно относиться к учёбе. Лидия Андреевна требовала уважения к своему предмету. После её отъезда с мужем-

офицером преподавать химию к нам пришла молодая женщина с университетским образованием, с красным дипломом. И химия, несмотря на все её старания, утратила для нас всякий интерес. Учили её чисто механически.

В 7 классе уроки пения у нас вёл Дмитрий Игнатьевич Цыганков. Лет 33 – 35, очень похожий на киноактёра Анатоля Кузнецова. Кроме преподавания, он же был организатором и руководителем всей школьной самодеятельности. Благодаря его настойчивости и неуёмной

Рис.21. Цыганков Д.И.

Преподаватель пения

энергии, в подготовке ежегодной школьной олимпиады участвовали все ученики школы с первых по десятые классы. пропустить репетицию разрешалось только по причине тяжёлой болезни, но это редко тогда с нами случалось. Он же писал песни для хоров — их было 3 в школе: младших, средних и старших классов; ставил танцевальные композиции, прослушивал каждого ученика. Если у проверяемого были слух и голос — в хор, хороший голос – начинал с ним заниматься - индивидуально, разучивали соло, без слуха – участвуй в танцах, декламациях,

небольших театральных сценках, в гимнастических композициях. Так он открывал таланты: у нашей новенькой ученицы прекрасное лирическое сопрано, к очередной олимпиаде они разучили «Соловья» Алябьева, исполнение было на «бис». У Толика Котлярова, моего давнего знакомого, учившегося тогда в 9-м классе, Дмитрий Игнатьевич открыл чудный бархатный баритон, на Олимпиаде Толик исполнил песню из популярного тогда документального фильма «Индонезия», и как спел! Закончив школу и поступив в один из Львовских вузов, он одновременно учился во Львовской консерватории. Для каждого танцевального номера у исполнителей были свои костюмы, где их доставал Дмитрий Игнатьевич, неизвестно. На уроках мы разучивали нотную грамоту, но уже с учётом девичьих и ребячьих голосов, учились петь по нотам дуэтом, трио. Часто учитель приносил на уроки патефон с пластинками: он жил рядом со школой, ребята помогали; и мы слушали музыку по теме урока, повторяли что-то из репертуара хора. Кроме того, Дмитрий Игнатьевич познакомил нас с биографиями известных русских композиторов проигрывал нам на пластинках отрывки из их произведений. И он же организовал в школе ученический духовой оркестр, позже выступавший на олимпиаде. Какой интересной, насыщенной была наша школьная жизнь, благодаря таким людям!

Ещё одним увлекательным уроком стало черчение. Во-первых, с самого начала Ирина Евгеньевна требовала от нас предельной аккуратности при работе с чертежами. Она

Рис.22Полищук И.Е.,
Преподаватель черчения

учила нас правильно затачивать карандаши «Конструктор» разной твёрдости. Белый лист чертёжной бумаги очень притягивал, и мы очень осторожно, не дыша, тонкими, чуть заметными волосяными линиями остро отточенным твёрдым карандашом делали разметку листа, потом контурными линиями вычерчивали рамку чертежа, штамп, и только после этого начинали выполнять постепенно усложнявшиеся чертежи. Ирина Евгеньевна не была очень строгой, просто она была учителем, увлечённым своим предметом. Сначала мы осваивали линии, потом – чертёжный шрифт, по нему было много занятий. И только позже начали осваивать

чертежи разрезов, сечений. Это здорово развивало пространственное воображение. Тушью чёрной, цветной, рейсфедерами начали учиться работать только со 2 полугодия. Как же красиво на белоснежном листе ватмана смотрелись эти выполненные тушью работы! Ирина Евгеньевна вела черчение и в 8й, и в 1й украинской школах. По её инициативе в каждой четверти проводились школьные городские конкурсы на лучший чертёж по разделам: линии, шрифты, разрезы, сечения, сборочные и т.д. В рассмотрении работ школьников принимали участие инженеры КБ завода сельхозмашин. Учительница говорила мне, что мои чертежи были в числе лучших. Эта наука очень пригодилась мне в дальнейшей жизни. Работая в механическом цеху завода, легко было разбираться в чертеже той или иной детали, узла. А на первом курсе института ни с черчением, ни с начертательной геометрией не было никаких проблем. Кроме того, на всю жизнь выработался чёткий ровный «чертёжный» почерк.

Спасибо Вам, дорогая учительница!

И ещё одна интересная новость в наступившем учебном году облетела все школы города: открылась и объявила набор разные секции детская спортивная школа. Записывали всех желающих безо всякого предварительного отбора, единственное условие: не пропускать занятия и раз в месяц показывать тренеру свой дневник из общеобразовательной школы: снижение успеваемости не допускалось. Преподавателями, руководителями секций работали

молодые выпускники Львовского института физкультуры. У школы было своё помещение, раздевалки, спортзал, оснащённый всем необходимым инвентарём. Я записалась в секцию художественной гимнастики; занятия под музыку или устный счёт у станка, вольные упражнения на ковре, с лентой, скакалкой, мячом доставляли много радости, не всё получалось с булавами, но я была упорной! Вскоре нас обеспечили гимнастическими купальниками, чешками. На занятия ходили девочки из всех школ города. Выпускники Львовского инфиза пришли и в общеобразовательные школы.

Вот тогда, в середине 50-х годов, детский спорт действительно стал массовым. Кроме ежегодной общегородской весенней спартакиады, зимой в той или иной школе проводились соревнования по гимнастической подготовке учеников между школами города.

Определялись лучшие результаты по всем видам снарядов: кольца, брусья, перекладина, гимнастическое бревно и т.д. Велось настоящее судейство, подсчёт баллов, протокол соревнований среди девочек и ребят вывешивался на доске объявлений в каждой школе-участнице, так что дух соревнования между школьниками был очень высок, что стимулировало заниматься и бороться за лучший результат. Выступления учеников спортшколы оценивались отдельно, но наши выступления были на уровень выше. После таких мероприятий народу в спортшколе прибывало.

С лёгкой атлетикой у меня были нелады: на 100-метровке я не укладывалась в норму на хорошую отметку, то же и с прыжками в длину и высоту. Участие в спартакиаде было обязательным для всех школьников, и мне очень не хотелось опозориться: поболеть за участников приходили учителя, знакомые из разных школ, лагерей. Ранней весной, как только просыхали дорожки на стадионе и начинались занятия легкоатлетической секции спортшколы, я приходила и занималась вместе с ними, и в другие дни. В результате к маю месяцу, ко времени проведения спартакиады, прогресс был налицо, тренер был доволен: я хорошо пробегала и 100, и 400м, выполняла с запасом и норму по прыжкам. Соревнования кончались, я получала хорошую оценку по физкультуре, и на занятия секции больше не ходила, за что тренер ругал меня при встрече. Но у меня не было выбора: бросать художественную гимнастику не хотелось, а заниматься в двух секциях сразу было не под силу. Из нашего города в те годы вышло много мастеров спорта, перворазрядников по лёгкой атлетике, спортивной гимнастике.

1955 год оказался урожайным на новости, касавшиеся школьной жизни, но последняя имела непосредственное отношение к нашей семье. В конце ноября мама получила ответ на своё письмо в Верховный Совет СССР по поводу своего осуждения, приговора и отбытия наказания. В письме было прислано постановление Мосгорсуда о пересмотре маминого дела и отмене постановления Особого совещания при НКВД СССР от 26.12.37г в отношении мамы за отсутствием состава преступления, а также о реабилитации мамы как жертвы

политических репрессий. С мамы сняли клеймо преступника, врага народа. Вместе с нами радовались наши друзья, знакомые, мама плакала. И вот тут я переставала что-либо понимать. Ведь она и так была ни в чём не виновата! За что же её судили, за что — 10 лет тюрьмы, невыносимых страданий, лишений? В конце февраля 56 г на XXIII съезде ВКП(б) выступал Н.С.Хрущов, его речь передавали по радио, я прослушала её от начала до конца. Это выступление прозвучало как гром с ясного неба: разоблачение культа личности Сталина, преступлений, массовых репрессий против ни в чём не повинных людей – представителей всех слоёв общества, организованных по личному указанию Сталина, в результате которых пострадали, были расстреляны, загнаны в концлагеря сотни тысяч граждан. То, что мы тогда услышали — было потрясением, вселило в людей надежду на восстановление справедливости в отношении пострадавших от сталинских репрессий (как позже стало известно, их были миллионы), на положительные перемены в жизни нашего народа. В дальнейшем жизнь показала, что надежды эти не оправдались. Тем более, что Н.С.Хрущов скромно умолчал о своём личном участии в этих преступлениях. В 1938 - 40 гг он был первым секретарём ЦК компартии Украины, и по приговорам, им подписанным, тысячи украинских коммунистов были отправлены в концлагеря с большими сроками, расстреляны. Да и в центральном аппарате высших органов власти оставались бывшие соратники Сталина. Соратник – от слова «рать», сколько их оставалось на всех уровнях управления! И все боялись разоблачений! Государство так и не покаялось перед народом в свершённых преступлениях. Многие ГБисты благополучно доработали на своих должностях, благополучно доживали на персональных пенсиях. В том же 55г мама получила присланный заводом МЭЛЗ перевод на 1400 р за вынужденный 2х-месячный простой(!!!) –возможно ли такое в любой другой цивилизованной стране?!

Лагеря были законсервированы, а политзаключённые были и при Хрущове, и при сместившем его Брежневем, есть они сейчас. А что касается теперешнего постперестроечного времени, то давно уже возникло впечатление, что вся Россия превращена в концлагерь, где над народом проводят эксперимент на выживание, где бал правит организованная преступность, спаянная с высшими властными структурами, где отсутствует какой-либо контроль за исполнением законов. И слава Богу, что наши дети и внуки находятся далеко за пределами России. Нам очень тяжело без общения с ними, видимся и разговариваем по скайпу, переписываемся по e-mail. Но мы знаем, что там им ничего не угрожает, что их жизни защищены законами их стран.

В присланном из КГБ СССР ответе на мамин запрос по поводу судьбы своих братьев Хаима и Германа было выражено соболезнование по поводу несчастья, постигшего нашу семью, о братьях – ни слова. О них мы узнали спустя многие годы. Эти официальные фразы — пустая формальность. А лучшие 10 лет жизни, проведённые в лагере, потерянное здоровье, изломанная судьба, погибшие братья? Кто ответит за эти потери, кто возместит

их?!

Я не могу рассказать, что тогда, после услышанного, творилось в душе моей, 14-летней девчонки, бывшей детдомовки. Это была ярость, выплеск злости за искалеченную мамину жизнь, за гибель её братьев, папы и друзей, за моё израненное детство! С каким остервенением я выдирала из школьных учебников портреты Сталина, а раньше Берии, когда вслух было сказано о их преступлениях, тысячах жертв! Рвала эти портреты на мелкие кусочки, жгла их в печке, задыхаясь от слёз. Мне казалось тогда, что я могла задушить этих монстров собственными руками.

К слову сказать, в наших беседах мама никогда не рассказывала о подробностях ареста, условиях лагерного быта, говорила только о конкретных людях, с которыми сводила её судьба на этом крестном пути. Её лагерные и украинские друзья стали по наследству моими. Об ужасах лагерного существования, о подробностях катастрофы, постигшей маминых родных я узнала уже будучи взрослой, за что очень благодарна маме. Дописывая свои воспоминания, мама сказала мне, что невозможно рассказать обо всём, что творилось в лагере. И я, в свою очередь, никогда, ни в школе, ни в институте, ни позже в общении с друзьями, знакомыми не касалась трагической истории нашей семьи, слишком больной была тема. Всё, перенесённое мамой, мои детдомовские и более поздние эпизоды жизни, хранились в подсознании, в тайниках памяти. И только теперь, после работы над маминими воспоминаниями, над своими, после длительных поисков, когда мы с радостью и надеждой узнали о том, что мамини братья Давид, Макс и Эзриль остались живы, что существуют ветви семьи Рогожинских в лице детей и внуков Давида и Эзриля, — дышать стало легче.

Заповедь Христова учит: «Возлюби врага своего, как самого себя» и ещё «...остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим...» Давно я простила людей, причинивших лично мне вольно или невольно горе, переживания, обиды, сама мысленно просила у них прощения. Но Сталин и свора его подельников! Они и есть настоящие враги народа, слуги дьявола. И то, что он, параноик, подстёгиваемый комплексом неполноценности, в молодости промышлявший грабежами банков, налётами на поезда, а дорвавшись до власти, во имя исполнения своих амбиций о мировом господстве уничтожил лучшую часть народа громадной страны — ему нет и не может быть прощения! Будь проклят он, его подручные на вечные времена, будь проклята память о нём. «...и отврати, и удали от нас всякие нечестия дьявола, кто думал и делал, верни ему обратно в преисподню, ибо Твое есть Царствие, и Сила, и Слава Отца и Сына, и Святага Духа. Аминь.» (Акафист Священномученику Киприану. Молитва Иисусу Христу.

Счастливая пора — детство! Как быстро забываются горе, беды, страдания, всё плохое уходит в пограничные районы памяти. Просыпаешься утром от осторожного прикосновения к лицу солнечного лучика, выглянешь в окно — тебе ласково улыбается утреннее солнышко, небо ясное, чистое, и наступающий день обещает быть необыкновенным, радостным. И жизнь продолжается!

Быстро пролетел март, наступили весенние каникулы, а вместе с ними — долгожданное ежегодное событие, к которому готовились, начиная с 1 сентября, все школы и ученики города. Олимпиада! На 3-4 дня её проведения в распоряжение школ отдавали актовый зал Дома офицеров — самый большой в городе. В продолжение этого события зал с утра забивали до отказа сами ребята, их друзья, учителя, свободные от работы родители и просто желающие посмотреть выступление ребят — принаряженные взрослые, школьники в парадной форме, менявшие её по ходу дела на артистические костюмы. Концерты начинались в 9-10ч утра и с небольшими перерывами продолжались до вечера. Как правило, выступления начинал хор, — а потом самые разнообразные номера: танцы, художественное чтение, соло, гимнастические этюды, театральные сценки и т.д., и какое разнообразие номеров по характеру, оформлению, с какой отдачей, азартом выступали «артисты», как живо реагировал зал на эти выступления! Взрослые так не умеют. Выступившие спускались в зал, на их место уже спешила смена из зала. Бывало, кто-то из «артистов» от волнения забывал слова или давал «петуха», смущался до слёз, и как его тогда поддерживал весь зал, какими аплодисментами провожали его после исполнения номера! Вели эти концерты сами ребята, в течение этих незабываемых дней за выступлениями наблюдало жюри, в состав которого входили директора школ, преподаватели пения, музыкальной школы, артисты из нашего драмтеатра. И мы в последний день Олимпиады не уходили из зала, ждали объявления результатов. Соревновались мы за первое место чаще всего с 1й украинской школой, у них тоже были очень хорошие номера. Сколько же было радости, когда наша школа занимала первое место! Это значило, что большинство наших номеров попадает на областную олимпиаду! В 57г наш младший хор (1 — 4классы) под руководством Дмитрия Игнатьевича был направлен как лучший в области на республиканскую олимпиаду, где занял 2 место среди школьных хоровых коллективов, и его выступление записали на радио, позже несколько раз слушали по радио выступление наших малышей. Это было самое настоящее приобщение к искусству. С тех пор пристрастие к хорошей инструментальной музыке, к классическому репертуару, к песне стало неотъемлемой и необходимой составляющей нашей духовной жизни.

Рис.23. Городская Олимпиада 1958г. Выступление хора старших классов 9й школы

Наступили тёплые весенние деньки, прошлаСпартакиада, и вот они – выпускные экзамены за 7й класс. Многие из нас давно уже задумались: куда дальше? Продолжить ли учёбу в школе, или поступать в деревообрабатывающий техникум, или в медшколу — выбор в Коломые был небольшой. Были, правда, училища и техникумы в районах области, но уезжать из дома никуда не хотелось. Мы с мамой тоже обсуждали эту тему, в конце концов я решила остаться в школе, заканчивать 10 классов, думаю, это был правильный выбор. К экзаменам готовилась дома, а накануне с утра собирались у кого-нибудь дома и гоняли друг друга по вопросам экзаменационной программы. Экзамены сдавали по русскому языку и литературе (изложение), математике (примеры и задачи по алгебре и геометрии), а также органическая химия, физика, английский язык (чтение и перевод текста), география. Все экзамены сдала успешно, а с последним вышла заминка. Географию у нас вела Нина Павловна, очень худая нервная женщина. Думаю, что придя работать в школу, она сделала большую ошибку. Мало того, что сведения по географии страны были скудно изложены в учебнике, за рамки этого содержания она, конечно, не выходила, но и эти сведения излагала настолько неинтересно, что слушали её в пол-уха, в классе всё время стоял какой-то тихий гомон, то и дело прерывавшийся её кричалками и выгонялками, и хотелось только одного: чтобы урок скорее кончился. Тройки и двойки сыпала как из мешка, хорошистам часто необоснованно снижала отметки, придравшись к какой-нибудь мелочи (чтобы не задирала нос). На экзамене я ответила на вопросы по билету, на её дополнительные. Тут наступила тишина. Ну не хотела она ставить мне 5! Меня попросили выйти из класса, и комиссия, принимавшая экзамен, отстояла мою пятёрку – ответ-то был правильным.

Она же вела у нас в 10 классе астрономию, и от этого предмета ничего не осталось в памяти, а сколько интересного мы могли бы узнать! — и не узнали. Зачем только такие люди приходят в школу? Работала бы в какой-нибудь конторе, бухгалтером — пользы было бы больше. Я часто думаю, что было бы неплохо устраивать людям, собирающимся работать в школе, такой экзамен: запустить их на пол-дня в детский возрастной по их выбору коллектив, и в конце этого срока посмотреть, что происходит в классе. Если ребята облепили своего гостя, засыпали вопросами, и последний «А когда Вы к нам ещё придёте?» — это свой для школы человек. Если же в классе стоит вот такой неопределённый шум, школьники переговариваются, занимаются кто чем, не обращая внимания на нового человека — пусть уходит как можно дальше от школы. К сожалению, в нашей школе мало что меняется к лучшему: очень часто на эту ответственную работу попадают люди случайные, со своими какими-то узкопрактическими целями, не страдающие любовью к детям, не умеющие установить с ними контакт, взаимопонимание. С такими мы сталкивались, когда учились наши дети, внуки — но это здесь. Там, за бугром, профессиональный отбор для работы в школе строится на других принципах. И мальчишки наши учатся увлечённо, в школе им нравится, хорошо освоили язык. Профессия школьного учителя там престижна, хорошо оплачивается, им не надо заниматься подвижничеством — ребята в рамках школьной программы получают разносторонние знания и в прикладных, и в гуманитарных предметах, в том числе и в области искусства. В школах — прекрасно оборудованные спортзалы, школьные стадионы, при школах работают различные спортивные секции, посещение, конечно, бесплатное, оборудованы станками и всем необходимым, в том числе швейными машинами, мастерские, где проводятся уроки труда, там старшеклассники могут изучать вождение, сдавать на права — это обычная муниципальная школа. Все ребята поют в школьном хоре, учатся играть на музыкальных инструментах.

Очень пристальное внимание обращается на изучение истории, растительного и животного мира страны: ребята собирают материалы, готовят и потом на открытых слушаниях защищают свои проекты по тем или иным событиям, происходившим в Америке, в других странах, смотрят соответствующие фильмы и т.д., причём от них не скрывают и позорных (как например рабство негров, расизм) страниц истории, и школьники постепенно начинают гордиться своей страной, становятся её патриотами. Наверняка и у них в школах не всё благополучно, судя по последнему случаю стрельбы в классе в одной из школ из боевого оружия, и гибели двадцати детей, но для предотвращения повторения таких случаев принимаются меры на законодательном уровне.

Почему же американцы, взяв лучшее из нашей школьной образовательной системы 50 — 60 гг, развили, дополнили её, и выпускники их школ — действительно грамотные всесторонне развитые люди? Думаю, что прежде всего это в интересах государства, и оно не экономит на школьном образовании, и, кроме того, есть строгие законы, регламентирующие работу

школ, функционируют родительские попечительские советы. И в их школе ни на один день не задержалась бы учительница, подобная Нине Павловне.

А наше государство, видимо, не заинтересовано в воспитании грамотного, мыслящего, знающего и уважающего свою историю молодого поколения.

Как мы все повзрослели, придя в 8й класс, сколько новых лиц! Ребята изменились просто неузнаваемо, стали следить за своей внешностью, относиться к нам очень внимательно, между ними и девочками возникали взаимные симпатии, устанавливались дружеские отношения, по рядам теперь нередко передавались записки с секретным содержанием (чаще всего, с предложениями дружбы). Начиная с этого учебного года у нас в школе по выходным дням проводились школьные танцевальные вечера, на которые приходили ребята и девочки из других школ. На этих вечерах (девочки по-прежнему в парадной форме!) я часто танцевала с Вовой Ивановым, Толей Степаненко, но нравился мне тогда по-настоящему другой мальчик. Только он не догадывался об этом.

Сменились и некоторые учителя: теперь английский язык у нас преподавала Галина Ивановна Нестеренко. Молодая, красивая, энергичная, по своей преданности школе, своему предмету она по праву стала наследницей Марии Львовны. На уроки она всегда приходила одетой изящно, но строго, тщательно причёсанной. Мы любовались ею,

Рис.24. Нестеренко Г.И.

Преподаватель английского языка

исподволь, незаметно для себя, учились у неё хорошему вкусу. Наша новая учительница окончила университет, стажировалась в Англии; уроки вела легко, непринуждённо, мы разучивали на английском стихи, песни, она учила нас приёмам правильного перевода, давая для работы отрывки текстов из прозы английских писателей, заодно мы читали эту прозу на русском языке. Очень требовательно относилась к воспитанию у учеников навыков правильного произношения. Для этого мы учились не только прочитать текст, но и пересказать его на английском языке своими словами; ну и, конечно, диалоги, вопросы и ответы по тексту, грамматические

правила усваивались по ходу дела. Она считала, что язык может выучить каждый, а интереса, желания к этому у нас было хоть отбавляй. По её инициативе в городе между школами начали проводить конкурсы на лучшее чтение на английском, французском языках,

на лучший перевод. И она же в продолжение нашей учёбы в школе организовывала школьные вечера на английском языке: песни соло, в хоровом исполнении, декламации, исполнение традиционных английских танцев. После наших выступлений начинались танцы, для них Галина Ивановна подбирала музыку английских авторов, и приглашения на танец должны были звучать по-английски. Научила ребят, как правильно поблагодарить даму за танец и проводить её на место. Кроме языка, это была ещё наука культуры поведения, она тогда нам была просто необходима! На эти вечера приходило множество народа из других школ, наши друзья и знакомые. Вскоре аналогичные вечера стали популярными и в 8й, и в 1й украинской школах. И язык к концу учёбы в школе мы знали, умели при необходимости пользоваться им. Разве можно когда-нибудь забыть эти уроки! Вы, Галина Ивановна, навсегда остались в благодарной памяти Ваших учеников. Спасибо Вам!

Украинский язык и литературу у нас с 8 по 10 класс вела Мария Даниловна — полная противоположность Галине Ивановне. Ведь изучали творчество украинских писателей, поэтов XIX – XXвв, писали сочинения...А в памяти остались только имена Ольги Кобылянской, Марко Вовчок, Михаила Коцюбинского и более поздних современных Павла Тычины, Корнейчука, Олеся Гончара, Максима Рыльского.

Всё было бы хорошо, но стало сильно сдавать здоровье у мамы. Видимо, осознание бесполезности 10 лет жизни, полных страданий, потерь, надежд на какие-то изменения к лучшему в отношении пострадавших от сталинских репрессий, на покаяние государства в лице высшей власти в злодеяниях против народа, подорвало её организм, сломалась какая-то внутренняя пружина, которая до сих пор держала её. Мама попала в больницу, состояние было тяжёлым. Там её вылечили, и ещё 3 недели она находилась на своём рабочем месте в детской больнице, ей там обеспечили карантинные условия и всё необходимое, чтобы она могла сделать месячный отчёт по лекартсвам и по вопросам, за которые отвечала как старшая сестра. А работу с отчётами мама считала очень серьёзной, ответственной и дома в конце каждого месяца до поздней ночи просиживала над ними, много раз проверяя, стараясь не допустить ни одной ошибки: отчёты тогда направлялись сначала в городские, а потом в областные финансовые органы, в гор- и облздравотдел. Этот месяц я тесно общалась с Анной Васильевной, фактически она меня опекала, с учёбой всё обстояло благополучно, но было тоскливо и страшно за маму. К счастью, она поправилась, опять много работала. Вскоре, весной 58 года, к нашему горю, мы потеряли Анну Васильевну. Она, получив известие о гибели мужа, которого разыскивала долгие годы (на самом деле его, как узнала мама, расстреляли), слегла и больше не поднялась. За годы пережитого она стала нам родным, близким человеком, и её уход был для нас очень тяжёлой невосполнимой

потерей. Какое яркое красивое начало — и какой тяжёлый конец! Господи, упокой душу рабы твоей Анны, даруй ей царствие небесное и вечный покой. Аминь.

Весна 57го года. За окном класса – яркое весеннее солнце, поют – заливаются птицы, в воздухе разлито что-то томительно-радостное, а в душе – предвкушение таинственного, счастливого, что ждёт тебя впереди. И мысли витают где-то далеко, и не идут на ум уроки, школьные дела. Мне исполнилось 16 лет. Дома отметили этот день скромным застольем с мамиными друзьями, моими подружками. Мама подарила мне наручные часы «Заря» в небольшом изящном по форме хромированом корпусе — очень нужная вещь в моей повседневной жизни. Эта мамина памятка долго служила мне и в будущей взрослой жизни: любая техника, выпускавшаяся тогда в нашей стране, отличалась высокой надёжностью.

Пришла пора получать паспорт. Мама, видимо, хорошо понимала, какие трудности ожидают меня в дальнейшей жизни в нашей стране с моими анкетными данными. Она была коротко знакома с заведующей городским бюро ЗАГС, часто заходя туда по рабочим делам: как старшая сестра детской больницы, она отвечала за статистику поступления и передвижения больных детей. И вот мама предложила мне с помощью этой заведующей при оформлении паспорта изменить фамилию, отчество и национальность. Но это предложение оказалось для меня абсолютно неприемлемым, я отказалась, и больше мы с мамой к этой теме не возвращались. Я осталась при своих польско-еврейских корнях, т.е. с маминной фамилией, именем бабушки, с папиным именем – моим отчеством, о чём никогда не пожалела. Что касается формулировки «национальность», то о какой конкретной «национальности» может идти речь? На протяжении сотен веков на территориях средне-русской равнины, современной Европы, Сибири, Ближнего Востока происходило постоянное перемешивание народов, одни племена завоёвывали другие, происходило смешивание культур, языков, традиций, одни цивилизации сменялись другими, об этом достаточно доступно и подробно писал Лев Гумилёв. Человек приходит в этот мир голым, без каких-либо ярлыков о принадлежности к тому или иному племени. Разрез его глаз, цвет кожи, волос, форму носа, вырез губ и какие-то черты будущего характера определяют гены, всё остальное: язык, определённые правила поведения, привычки, вероисповедание в нём воспитывает окружающая среда. И вырастая, человек сам определяет свою принадлежность к воспитавшему его или к какому-то другому роду – племени. Говорить при этом о какой-то богоизбранности, о превосходстве одной расы или племени над другими, о «чистой» национальности — средневековая дикость. В моём паспорте в графе «национальность» было написано «еврейка», но я, так уж получилось, выросла на русской земле, с раннего детства общалась с самыми разными людьми, представителями разных народностей, проживающих на территории Кубани, Украины, России, для меня – русский язык, русская культура, традиции, история, природа – всё это родное, всё - неотъемлемая, очень значимая часть

моей жизни, Россия и есть моя историческая родина. Естественно, считаю себя русской.

Термин же «национальность» исторически ничем не оправдан. Его ещё в незапамятные времена придумали политики, власть предержащие, используя с целью разобщения народов, сталкивания их лбами по принципу «Разделяй и властвуй!» в своих узкополитических целях. Очень яркие примеры из недавней истории — процесс Бейлиса в царской России в начале 20-го века, процесс Дрейфуса во Франции в 20-х годах того же века.

Сталин же, как умелый банкомёт, разыгрывал карту национальной розни в периоды ослабления личной власти. Во время войны, когда нависла угроза над самим существованием страны, и нужно было сплотить все народы страны в борьбе с фашизмом, потом в тяжёлое послевоенное время восстанавливать разрушенное войной хозяйство, вопросов межнациональной розни не возникало!

Но со 2й половины 48 года как по команде сначала в центральных, а потом в областных, районных газетах, по радио зазвучали обвинения специалистов с записью «еврей» в графе паспорта «национальность» в космополитизме, во вредительстве. Ура! Нашли виновника всех бед в стране! Евреи! Ату их! Было сфабриковано «дело врачей». Л.Тимашук, обвинившую врачей-евреев, лечивших Сталина, в нанесении умышленного вреда здоровью вождя, наградили орденом Ленина. Какое мракобесие! Маму тогда одна «радетельница за правду» тоже не обошла стороной, послав на неё клеветническое письмо без подписи в районную газету. К счастью, маму на работе очень ценили, этой грязи никто не поверил. Компания клеветы, ложных обвинений распространилась по всей стране. Наверное, и сейчас специалисты по истории СССР не смогут назвать точного количества людей, учёных, специалистов в разных областях науки, промышленности, культуры, здравоохранения, пострадавших в те годы. Тысячи людей были уволены с мест работы, отправлены в тюрьмы, лагеря, многие погибли, не выдержав моральных и физических испытаний. Только после XX съезда партии, т.е., начиная с весны 56 года, их оправдали, вернули рабочие места. У Тимашук отобрали орден Ленина — в какую дешёвку превратили эту награду! За что дали, за то и отобрали. Но на государственном уровне антисемитизм продолжался и в хрущовские, и в брежневские времена. Официально ограничительного ценза на поступление выпускников школ — евреев в ВУЗы не было, но поступить им в престижный институт особенно в столичных городах было очень непросто, да и после окончания учёбы их карьерный рост тормозился всеми силами. Выручали мозги, интуиция, деловая хватка, работоспособность, благодаря этому и пробивались. Сознание, что сам себе не поможешь — никто не поможет, побуждало к активным действиям, раскрытию способностей. Всё это я испытала на своём опыте.

Репрессии, начатые ещё Лениным в 1918г. против всех слоёв общества нашей несчастной страны (крестьянство, духовенство, рабочий класс, тот самый «гегемон»), тысячи представителей которого наравне с другими были арестованы, расстреляны, безвестно погибли

от голода в лагерях, на пересылках, представители культуры, науки) и продолжавшиеся до конца 40х – начала 50х годов прошлого века, стали основной причиной резкого снижения уровня генофонда народа всей страны. И, как следствие — в этом причина нашего серьёзного отставания во многих отраслях знаний, промышленности, науки, культуры, в уровне жизни народа от развитых капиталистических стран. Там, за бугром, давно учли уроки истории, сделали из них выводы. А у нас?! В США изначально в паспортах отсутствует графа «национальность», там все жители — граждане своей страны, и все равны перед основным законом – конституцией вне зависимости от места, занимаемого на социальной и служебной лестнице. У нас же графу «национальность» в паспортах отменили только в начале 21 века.

А что касается отношения к конституции, то само это слово в нашей стране носит одиозный характер. Каждый новый лидер, попадающий на вершину власти, считает своим долгом прежде всего внести изменения в конституцию, особенно в те положения, где указан срок его власти, причём в сторону увеличения. О каком уважении к закону при таких вот обстоятельствах может идти речь? Очень люблю русские пословицы, краткие, точные, хлёсткие: это - настоящий клад мудрости, народного остроумия. Одна из них гласит: «Рыба гниёт с головы».

Что же касается вероисповедания, то по моему глубокому убеждению Бог — один для всего человечества, только каждый народ молится ему на своём языке, и люди, приходящие в этот мир – все одинаково равны перед Ним. И заповеди Божьи во всех религиях одни: живи и радуйся жизни на этой Земле, развивай свои таланты на пользу людям, Господь награждает ими каждого, стремись к совершенству в избранном тобой мастерстве, передавай его твоим следующим поколениям, чтобы жизнь на земле становилась всё лучше, береги природу, этот бесценный дар Божий людям, не завидуй, не враждуй, не делай никому зла. Если бы соблюдались эти заповеди!!! Однажды мой младший 6-летний внук задал мне вопрос: «Зачем рождаются люди?» Вот примерно об этом мы с ним поговорили, по-моему, ответ его вполне удовлетворил.

Девятый класс, девятый класс – знакомые, за годы учёбы ставшие родными лица, радостная встреча. Теперь мы уже – старшеклассники, и на нас уважительно, с робостью поглядывают «малыши», так же, как мы всего 2 – 3 года назад — на 9-, 10 – классников. Все, кто должен был уехать с родителями, уехали, и в теперешнем составе мы шли к окончанию школы под руководством наших учителей. Русскую литературу теперь у нас вела Любовь Эдуардовна Шимко. Мы очень много потеряли от того, что её не было с нами раньше! Она была влюблена в русскую литературу 19 – начала 20 века и эту любовь, неослабевавший к ней в течении всей дальнейшей жизни интерес, и вообще к литературе

сумела передать нам. Изучая творчество писателей, мы прежде всего узнавали о их жизни, о том, в какие периоды создавалось то или иное произведение, о прототипах главных героев, какой отклик вызывало оно в писательской среде, в современном обществе, т.е. на её уроках мы узнавали ещё и историю нашей литературы. И рассказывала она так увлекательно, интересно, увлекалась сама, что мы ловили каждое её слово, не замечали, как пролетал

Рис.25. Шимко Л.А.

Преподаватель языка русского
и литературы

урок. На уроках же обсуждали поведение героев в той или иной ситуации, и каждый мог высказать своё независимое мнение или изложить его в сочинении.

Конечно, чтобы иметь и сформулировать свой взгляд, мы все не по одному разу прочитывали Гоголя, Тургенева, Белинского, Некрасова, Толстого и многих других писателей, поэтов, т.е., читали первоисточники. Любовь Эдуардовна учила нас мыслить самостоятельно, не опираясь на учебник, грамотно отстаивать свою точку зрения, в результате в классе по каждому произведению разгорались жаркие дискуссии. И конечно, у нас проходили

литературные вечера, посвящённые творчеству того или иного писателя; мы оформляли их своими рисунками, готовили доклады, выбирая произведение на свой вкус.

Помню, один вечер был у нас посвящён «Мёртвым душам» Гоголя. Нарисованный мной большой портрет Гоголя закрепили над сценой, ребята разыграли сценки встреч Чичикова с остальными героями при покупке им «мёртвых душ». Зрители покатались со смеху, увидев перед собой Валеру Поповского – Чичикова, Шурика Лапина – Манилова, Гену Студенкова – Собакевича в париках, с наклепленными бакенбардами, нашу певунью Надюшу Любимову – с высокой причёской, в пышных юбках в роли жены Манилова, Инну Нечаеву – в каком-то немислимом чепце, в драном платке в роли Коробочки.

Но вот на сцене появился наш горлопан Юрка Даниленко в лохматом парике, в офицерском кителе без погон в роли Ноздрёва и, подмигнув залу, погрозил Чичикову кулаком.

Зал замер. И когда началась торговля вперемешку с предложением щенков и игрой в шашки, и актёры без конца путали щенков с «мёртвыми душами» (может, ненарочно)

— это был уже просто обвал, в зале стоял стон, зрители, в том числе учителя, рыдали от смеха. Но ребята – молодцы: не обращая внимания на реакцию зала, темпераментно, на подъёме доиграли постановку до конца. В награду были оглушительные аплодисменты.

Эти вечера имели большой успех в городе. Изучаем «Войну и мир» Л.Н.Толстого — и опять горячие споры: каждый отстаивает свою точку зрения на поведение героев.

Учительница всегда зачитывала те наши сочинения, в которых мы своими словами оценивали своё отношение к произведению, героям, причём обосновывали свою оценку ссылками на текст. В 10м классе изучаем советскую литературу. Любовь Эдуардовна рассказывает о жизни Николая Островского, о том, как он работал над своей книгой «Как закалялась сталь», и слёзы заблестели не только на её глазах. Сейчас вряд ли кто из молодёжи читает книги Островского, Фадеева «Молодую гвардию», отношение к этим писателям незаслуженно-пренебрежительное. Но ведь герои их книг боролись и не жалели своих жизней в борьбе за высокую идею! Есть ли, молодые люди, такая идея у вас?! Несмотря на свою занятость, на слабое здоровье (диабет), учительница организовала при школе литературный кружок с обязательным для всех посещением 2 раза в неделю в неурочное время. На этих занятиях мы знакомились с творчеством поэтов, не включённых в школьную программу. Любовь Эдуардовна приобщила нас к творчеству поэтов «Серебряного века», мы впервые услышали стихи И.Северянина, А.Блока, А.Ахматовой, М.Волошина, В.Хлебникова, С.Есенина и очень многих других. Тогда впервые после долголетнего замалчивания был издан том избранных стихов С.Есенина, в бумажном переплёте, на голубой обложке – белые берёзы. С тех пор он живёт в нашей домашней домашней библиотеке. Эти стихи, их авторы стали для нас откровением, открыли для нас страну под названием «лирическая поэзия», страну чувств, о существовании которых мы догадывались, но не умели выразить их своими словами. Мы заучивали их наизусть, бредили ими. По творчеству писателей, не включённых в школьную программу, готовили и зачитывали на занятиях кружка доклады. Сколько мы тогда читали!

Любовь Эдуардовна словно предчувствуя свой скорый уход (её не стало в 1964г., как рано, как жаль! Это была очень тяжёлая потеря для всех, знавших и любивших её.) торопилась познакомить нас с богатством русской литературы, передать нам свои знания, своё трепетное отношение к любимому предмету. Её хорошо знали и уважали в городе, продавцы книжных магазинов всегда сообщали ей о поступивших в продажу новинках. Любовь Эдуардовна строго следила за нашей грамотностью, время от времени устраивала нам проверочные диктанты и разбор допущенных синтаксических ошибок. Сколько раз я потом с благодарностью вспоминала её уроки: грамотность речи и письма, воспитанный ею вкус и любовь к хорошей литературе, умение слышать авторскую мысль осталась со мной на всю жизнь, По приглашению учительницы я в числе других избранных учеников – любителей литературы бывала у неё дома. Она знакомила нас с содержимым своих книжных шкафов – там были настоящие сокровища. На уроках мы обсуждали поэмы «Хорошо», «В.И.Ленин», «Стихи о советском паспорте» и подобную гроыхающую патриотику,

а у неё дома в только что изданном академическом юбилейном издании знакомилась с лирикой этого поэта, со стихами, посвящёнными любимым женщинам — какая нежность, самоирония, преданность! – вот таким оставался Маяковский в нашей памяти. Много рассказывала о своей молодости, она училась в Московском пединституте. Дорогая Любовь Эдуардовна, Ваша преданность литературе, самоотдача, Ваши уроки навсегда остались в благодарной памяти и сердцах Ваших учеников.

Культурная жизнь наша, школьников, и всего города в конце 50х – начале 60х годов подпитывалась не только чтением, хорошими кинофильмами. В нашей далёкой от центра провинции часто выступали приезжавшие с гастрольями артисты эстрады, устраивались открытые с присутствием режиссёров и исполнителей главных ролей обсуждения фильмов, вызвавших зрительский резонанс, проводились интересные выставки, концерты. Как-то в музее Гуцульщины открылась передвижная выставка полотен голландских, фламандских мастеров из Эрмитажа: Рубенс, Снейдерс, Ван Дейк, Франс Хальс, Рембрандт. Вход свободный, книга для отзывов. Долго не могла оторвать глаз от «Ночного дозора»: притягивало светящееся спокойем, непосредственностью лицо девочки в окружении отправляющихся в дозор вооружённых солдат, словно охраняющих её. Поразила игра красок, света, радость жизни, сверкающая в картинах Хальса, Снейдерса. Понятно, что это были великолепно выполненные копии. Уже взрослой, побывав однажды вместе с семьёй в Ленинграде, я посмотрела эти картины в Эрмитаже. В залах – прекрасное освещение, правильное размещение полотен, но восприятие было другим, видимо, детское впечатление — самое сильное. Наша старшая дочь влюбилась тогда во французских импрессионистов. Как это важно, чтобы дети, начиная с младшего возраста, приобщались к высокому искусству! Не забыть впечатления от выступления в зале Дома офицеров Вольфа Мессинга. Человек среднего роста, плотного телосложения, редкие светлые волосы, приветливое улыбочное лицо, на вид ему было лет 45 — самая обычная внешность. Но то, что он показывал на сцене, не укладывалось в рамки нашего ограниченного сознания. Вот один из его номеров: в глубине сцены устанавливают 4 или 5 досок с тёмным покрытием, вращающихся в вертикальной плоскости. Артист приглашает на сцену зрителей, желающих принять участие в опыте. По его просьбе они пишут на досках колонки любых 6-8-значных чисел, не менее 8и на каждой доске. Пока они заполняют числами доски, он стоит к ним спиной, лицом к зрительному залу, беседует со зрителями, точнее, отвечает на мысли того или иного человека. В зале – тишина, и вдруг эти люди встают, подходят к артисту, пожимают ему руку, некоторые украдкой вытирают слёзы. Но вот ему сообщают, что доски заполнены числами. Он просит добровольных помощников остаться на местах, доски приводят в быстрое вращение в разных направлениях – по и против часовой стрелки. Артист в течение нескольких секунд пробегает мимо вращающихся досок, опять поворачивается лицом к залу, и по

желанию зрителей называет числа, написанные на каждой доске. Следили помощники, зал. Ошибки не было ни разу! Потом он предлагает зрителям и помощникам произвести сложение чисел на любой из досок по их выбору. И пока они складывают в столбик, он моментально называет результат, который записывает ассистент на отдельной доске. Ошибки были у зрителей или помощников – видимо, от волнения или спешки. Два преподавателя математики из числа зрителей проверили вычисление своими ускоренными методами – ошибки в результате артиста не было! Были и другие интересные номера, всё не опишешь. Это было невероятно! То, чему зрители стали свидетелями, казалось чудом. В конце выступления Мессинг говорил о том, что в обычной жизни человек использует только 3% своих потенциальных возможностей, подаренных ему природой. Его выступления убеждали в необходимости тренировки мозгов и личных качеств при желании добиться успеха в избранном направлении.

В те годы на экранах кинотеатров прошли фильмы «Овод», фильмы-оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Демон», «Черевички», «Алеко», «Хованщина» и другие по произведениям русских писателей — потрясающая музыка, знакомые по творчеству наших классиков сюжеты, а какие актёры, операторская работа! Особенно запомнились Олег Стриженов в роли Овода в одноименном фильме, в роли Германа в «Пиковой даме», Ариадна Шенгелая – Татьяна в «Евгении Онегине». Каждый из этих фильмов стал для нас незабываемым событием. Бывало, при просмотре фильмов я получала ответы на какие-то вопросы, возникшие при знакомстве с тем или иным произведением в школе. Постепенно пришла к выводу, что надо читать программные произведения, полностью оттолкнувшись от школьной программы и учебника, а если ещё повезёт, и согласишь талантливо снятый фильм — интерес, впечатление будут совсем другими. В качестве примера - «Война и мир» Толстого и одноименный фильм Бондарчука. Сколько раз перечитывала, и каждый раз нахожу в нём для себя что-то новое. По моему мнению, роман и фильм – на все времена.

Большую радость зимой приносил наш городской «каток» - замёрзший пруд в парке имени Кирова. Теперь коньки были и у меня, и у многих ребят и девочек из нашей школы, знакомых из других школ. В каникулы и после них, по выходным дням, с вечера заранее подготовив уроки, а с утра – запас дров и воды маме для хозяйственных нужд, я одевалась по-спортивному, ботинки с коньками в руки, и – на каток. А там...встречались с друзьями, катались по кругу, наперегонки, в догонялки, парами, взявшись за руки. И ничего, что не было музыки, лёд неровный, к вечеру в парке загорался один фонарь — это был для нас настоящий праздник. Возвращалась домой в сумерках, когда ноги уже не держали. Зато дома – тепло, уютно, мама к чаю испекла что-нибудь вкусное, и ещё – поджидает какая-нибудь хорошая книга. Коломыя – маленький городок, и мы, школьники, хорошо

знали друг друга, много общались не только на катке: бывали друг у друга на школьных вечерах, участвовали в соревнованиях, часто вместе отдыхали в лагерях, встречались на концертах школьной самодеятельности, и не только. Дружили, влюблялись, и никому бы в голову тогда не пришло выбирать себе друга или подругу по «национальному» признаку. И позже, работая около 3х лет в механическом цеху завода «Сельхозмаш», среди сельских парней, у которых за плечами в лучшем случае была семилетка и служба в армии, я ни разу не слышала в свой адрес каких-то оскорбительных слов или насмешек. Наоборот, к нам, девочкам, пришедшим в цех на трёхсменную и не очень чистую работу у станка после окончания средней школы, ребята относились уважительно, помогали чем могли, опекали нас, очень ценили наше общение с ними на их родном украинском языке. Думаю, у этих парней была высокая внутренняя культура поведения, общения – то, что идёт от корней, от воспитания в семье и не зависит от уровня образования. Мы вместе участвовали в заводской самодеятельности, занимались спортом, бывали на танцевальных вечерах, дружили – не забыть это время, это были самые счастливые годы моей юности. Жизнь была удивительно насыщенной, интересной.

Рис.26. Выступление заводского хора на одном из вечеров отдыха

Рис.27. Наша заводская баскетбольная команда на областных соревнованиях. Справа в последнем ряду капитан команды инженер-конструктор Тая Лесничая

Рис.28. Наша неразлучная четвёрка (мои подруги по механическому цеху). Слева направо: Орыся Кит, Сонечка Кононова, Надя Могильная и я.

Кому и зачем в 90х годах прошлого века понадобилось разобщить под лозунгом «самостийность» два исторически однокоренных народа – русских и украинцев?! Что оба народа много потеряли от этого разрыва – факт. Вот один эпизод: однажды в начале 2000 г. по пути на дачу стою на автобусной станции в ожидании своего автобуса, и вдруг рядом слышу знакомую речь с западноукраинским акцентом. Поворачиваюсь – стоят две уже уже немолодые женщины с большими битком набитыми «челночными» сумками. Разговорились. Они приехали из Черновицкой области. Колхозы позакрывали, в селе работы нет, устроиться на работу в городе нет возможности, денег нет, нечем кормить детей – знакомая ситуация! Набрали каких-то вещей и привезли в Россию с надеждой

продать и что-то заработать. Не могла удержаться, задала им жестокий вопрос: «Ну Вы ж хотели быть самостоятельными?» И услышала в ответ от одной: «Нам без Вас так погано!», а вторая — «Чи хто нас питав (спрашивал), що мы хотили?» Сколько горя принесла народам «самостоятельность» украинских политиков-западников! Остается только надеяться, что в конце концов разум и опыт научат их прислушиваться к голосу народа.

Считаю, что нашему «9 Б» крупно повезло с новым классным руководителем — Марией Григорьевной Сурковой. Она же вела у нас математику. Невысокого роста, светло-волосая, с приветливой улыбкой, она, не повышая голоса, без видимого напряжения, взяла в руки и смогла удерживать в нужных рамках наш непокорный, своевольный класс. Причём я не помню, чтобы она подавляла кого-то своим авторитетом. При необходимости она говорила с провинившимся с глазу на глаз, как правило, хватало одного такого разговора. А страсти в нашем небольшом коллективе кипели нешуточные, вырываясь наружу в той

Рис.29. Суркова М.Г.
Классный руководитель,
Преподаватель математики

или иной форме. Мы, девочки, в свои 16 лет уже были достаточно взрослыми, знали кое-что о взаимоотношении полов, читали, что-то слышали от старших, правда, знания эти были очень поверхностны. За одним нашим одноклассником ребята заметили какие-то неблагоприятные поступки. Они, наши верные рыцари, больше нас знали о тёмной, низменной стороне жизни, и старались, как могли, уберечь от этой грязи. Однажды утром придя на уроки, мы, девочки, не смогли войти в класс: вход загораживал Юрка Даниленко, просил нас подождать в коридоре.

Ребята поговорили с этим парнем за закрытыми дверями без свидетелей, и выгнали его из школы. Мария Григорьевна, видимо узнав причину, присоединилась к мнению класса, и никакие хождения мамы к директору школы не помогли, человек этот в школе больше не появился. Этот вопрос Мария Григорьевна с нами не обсуждала. Но и при нашем возросшем уважении к нашей классной происходили необъяснимые вещи. Дима Карговский, наш «красавец-мужчина», по которому вздыхала большая часть старшеклассниц из других школ, предложил сжечь классный журнал, в котором против его фамилии стояла пёстрая череда отметок от двоек до четвёрок, в основном двойки и тройки, и куча замечаний. И ведь большинство из нас его поддержало! Как мальчишкам удалось спрятать, а потом сжечь

журнал, я не знаю. Мария Григорьевна не стала искать виновника: никто бы не сказал, уж в этом-то мы были все заодно. Так и сказали ей: все виноваты. Затея, конечно, была дурацкой: тут же появился новый журнал, и в нём со временем повторились те же записи. Дело-то было не в журнале, а в нас самих! И ещё один наш, последний «выход» в буквальном смысле слова. 10-й класс, весна, в окна класса ласково светит апрельское солнышко, и нет никакого желания сидеть на уроках. И вдруг прозвучало: «А давайте уйдём куда-нибудь, надоело!» Эмму Фещенко, комсорга школы, оставили в классе: ей по рангу нельзя было срываться с уроков, а мы, остальные, дружно, всем классом на перемене вышли из школы, только не смогли сразу решить, куда направиться. В кино ничего интересного не было, и мы, не придумав ничего лучше, отправились на стадион, уселись там рядом на скамейках, как ласточки на проводах, подставив лица солнцу, переговариваясь о том, о сём. Прошло буквально несколько минут, и мы увидели перед собой стоящую на поле улыбающуюся Марию Григорьевну. «Ну что, отдохнули? А теперь пошли учиться».

И мы, как цыплята за квочкой, поплелись за ней назад в школу под насмешливые взгляды и реплики прохожих. Не ругала, не искала зачинщиков, но на ближайшем классном часе поговорила с нами, как со взрослыми людьми. Было стыдно. Видно, с соображением у нас тогда было туговато, мягко говоря.

Но все эти происшествия меркли на фоне интереса, который пробудила у нас к математике Мария Григорьевна. Входя в класс, улыбаясь, спрашивала «Готовы?». Получив наш дружный утвердительный ответ, быстро делила меловой чертой пополам классную доску, записывала на обеих половинах примеры, задачи (из своего «секретного» сборника) и давала команду начинать: сидевшие на партах слева - 1й вариант, справа – 2й, на самостоятельную работу давала 20 мин. Кто справился со своим вариантом быстрее, предлагала решать другой, причём предупреждала, что задание повышенной трудности, и пока мы решали, проверяла собранные дежурным наши тетради с домашним заданием. Списать у неё было невозможно, если кто-то пытался, забирала тетрадь, награждала двойкой. Но объясняла новый материал доходчиво, просто, показывала нам разные варианты подхода к решению задач, уравнений, предлагала самим позаниматься математическим творчеством: на то или иное правило, теорему составить разные примеры. В конце концов, мы настолько увлеклись, возник такой спортивный интерес к предмету, дух соперничества, что приходя утром в школу, мы первым делом задавали друг другу вопрос: «Решил? – А ты решила?» Случалось так, что какую-нибудь головоломную задачу решали 1 – 2 человека из класса, и каждый мог показать во время урока на доске свой вариант решения. Несколько раз, не справившись вечером с какой-то хитроумной задачей, я ночью во сне находила правильное решение. И изучение математики (алгебра, тригонометрия, стереометрия) открыло нам интересный

стройный мир законов, их взаимосвязей, точные формулировки, не допуская «вокруг, до около», узнали и о прикладном значении математических законов, о применении их в астрономических вычислениях, в описании физического состояния вещества, в теории электричества. Кроме того, Мария Григорьевна познакомила нас с основными достижениями учёных-математиков, представителей русской математической школы.

Для освоения нового материала учительница задавала нам на дом решить не 1-2 примера, а прорешать несколько страниц задачника. А со второго полугодия 10 класса мы решали на уроках и получали задания на дом из задачника по обычной программе и из задачника повышенной трудности (для желающих). Вот это был тренинг! Желающих было большинство. И отстающих по математике у нас в классе не было. Для многих из нас увлечение математикой сыграло основную роль при выборе института и будущей профессии, большинство наших медалистов, отличников пошло учиться в технические ВУЗы с преподаванием высшей математики на первых курсах. Этот предмет был пьедесталом для дальнейшего вхождения в мир техники. Какой бесценный багаж на будущее мы получили от Вас, дорогие, незабываемые наши учителя!

Близилась к концу наша учёба, приближались выпускные экзамены, за подготовку к ним взялись всерьёз. Учителя наши по каждому предмету проводили дополнительные консультации, мы ещё и ещё раз просматривали учебники, перечитывали литературу, находили и старались ликвидировать какие-то пробелы, особенно в технических предметах: математике, физике, химии. Перед каждым экзаменом собирались большой компанией, экзаменационные вопросы мы получили от учителей, играли в вопросы-ответы. Волнение, конечно, было, но не покидала жившая где-то в глубине уверенность, что всё будет в порядке. Экзамены я сдала на «5», в годовых оценках – одна 4 – по украинской литературе, в аттестате – все пятёрки. Я и Люся Кондратенко закончили школу на «отлично». Полновесные заслуженные золотые медали получили Инна Нечаева и любовь и гордость класса и всей школы, настоящий большой талант Шурик Лапин. Серебряные – вполне заслуженно Валера Попорвский, Валера Перламонов. Были ещё две медали, одна из них скорее купленная – у Шели Гус, дочери директора гардинной фабрики (предприятия республиканского значения). Папа прокладывал ей дорогу в будущее. И Шеля, вообще, неплохая девчонка, учившаяся до конца 1го полугодия 10 класса с тройки на четвёрку, начиная с 3й четверти вдруг стала получать одни пятёрки. И когда Лариска Шевченко, девушка без комплексов, на очередном классном часе задала соответствующий вопрос Марии Григорьевне — ответа не последовало. Шеля, опустив глаза, уткнувшись в тетради, молчала. И учительница перевела разговор на другую тему. Нам, остальным, было неловко, стыдно смотреть в глаза друг другу и нашей учительнице. Видимо, от неё это не зависело. Вот цена этой золотой медали. То же произошло и с серебряной медалью Эммы Фещенко, мама которой работала

учительницей в 1й украинской школе. Эмма не отличалась ни успехами в учёбе, ни особым интеллектом. Но судить кого-либо — неблагодарное занятие: а кто-нибудь из нас, остальных, смог бы отказаться от такого соблазна? Не знаю... И зачем это нужно было? Ведь тогда при поступлении в ВУЗы медалисты сдавали экзамены на общих основаниях, медаль учитывалась при прочих равных. Сколько я потом слышала случаев, когда выпускники с такими вот легко заработанными медалями, или поступившие в ВУЗ по протекции (за взятку), вылетали из института после первой же сессии. Ну что ж, мы жили в стране с двойной моралью.

Мне нечего было стыдиться: мои оценки соответствовали знаниям, полученным в школе, будущее это подтвердило, у меня не было высокопоставленного папы, мама была всего лишь старшей медсестрой детской больницы, но зато самой лучшей и любимой мамой.

А всего остального мне надо было добиваться самой. И будущее не страшило.

А потом — выпускной вечер. Тётя Катя, наша с мамой портниха, очень милая симпатичная хохлушка, сшила мне красивое платье из розовой тафты, всё переливавшееся светлыми, серебристыми оттенками. Было какое-то высокое волнение, мы навсегда прощались с родной школой, с нашими дорогими учителями, которым доставляли столько хлопот и волнений. Мы переступили порог, отделявший нас от детства, и эта ночь, утро, которое мы встретили в любимом парке имени Кирова — это было и время прощания друг с другом: начиналась новая жизнь, наши пути расходились, многих своих одноклассников я больше не встретила.

В год окончания школы кое-кто из ребят поступил в выбранные ВУЗы: Валера Поповский – в Уральский политехнический, Толик Степаненко – в Ленинградский стоматологический, Юра Даниленко – в Петрозаводский институт физкультуры. У Шели Гус и Эммы Фещенко первая попытка окончилась ничем. А наша Кишинёвская авантюра для нас, четверых кончилась недобором баллов. Сами виноваты! Прежде, чем ехать туда, тратить на поездку родительские деньги, питать надежды, надо было просчитать все «за» и «против». Тогда в высшем образовании страны поддерживалась политика воспитания национальных кадров, и конечно, было много своих претендентов на учебные места в университете. По-настоящему, из нас пятерых на успех могла рассчитывать одна Инна (золотая медаль, знания, осиротевшая дочь участника войны). Она – молодец! Успешно сдала экзамены и была принята на первый курс физмата. А мы: Шурик Лапин, Валера Перламонов, Люся Кондратенко и я, хоть и потерпевшие неудачу, руки не опустили, решили готовиться к поступлению в следующем году.

Я вначале, чтобы не сидеть дома без дела, пошла учиться и закончила курсы

машинописи, это умение очень пригодилось мне в будущей инженерной работе, когда надо было самостоятельно оформлять техническую документацию. Училась и на подготовительных курсах. Но сидеть на маминой шее было невмоготу. И меня по моей просьбе приняли на работу на завод сельскохозяйственного машиностроения, оформили учеником сверловщика в механический цех. Давно пришла к выводу, что какая-то умная сила ведёт меня по жизни, направляет в нужную сторону. То, что я попала в большой рабочий коллектив — было большой жизненной удачей. Физический труд, ответственность за своё дело, присутствие рядом опытных, прошедших большую жизненную школу, мастеров и рабочих, спрос без скидок на молодость помогли мне спуститься со школьных небес на грешную землю, узнать цену деньгам, заработанным собственным трудом; находясь в большом трудовом коллективе, я научилась умерять собственные амбиции, ценить и беречь дружеские отношения с окружающими, но и держать свою планку, не опускаться до уровня, где теряется уважение к себе. Там, в цеху, у меня появились верные подруги Орыся Кит, Надюша Могильная(серебряная медалистка), Они обе окончили 1ю украинскую школу, поступили на завод в том же году, позже к нам присоединилась Сонечка. На работу в цех поступили и Галя и Лида из нашего 10»А». Мы были первыми. На свою первую зарплату я подарила маме наручные часы «Звезда».

На следующий год мои школьные друзья выполнили своё обещание: Валера Перламонов поступил в Московский полиграфический институт, Шурик Лапин – в Рязанский Радиотехнический, Эмма Фещенко – в Черновицкий государственный университет, Люся Кондратенко – в Ленинградский институт холодильного оборудования. Мы все любили её – человек удивительно честный, порядочный, но хрупкая, со слабым здоровьем, много болевшая в учебном году, она, не рассчитывая ни на какие послабления, занималась даже в больнице, и её пятёрки в аттестате - абсолютно заслуженные. Радовались её успеху. Я решила подождать с поступлением, и когда Шурик, приехав на каникулы, рассказал о своём институте, приняла для себя решение поступать только в РРТИ.

Свободного времени, как и в школе, не хватало: работа в 3 смены, тренировки и соревнования в составе баскетбольной команды, чтение, занятия по подготовке к экзаменам, встречи, вечера, кинофильмы, концерты — хотелось успеть охватить всё! Я давно сдала на разряд сверловщика, работала самостоятельно, с помощью наших рабочих освоила работу на токарном станке. В цех привезли и установили два новеньких револьверных токарных полуавтомата и мне предложили освоить работу на одном из них. Работать на новом оборудовании было настоящим удовольствием, особенно если для обработки я получала прутки из хорошей инструментальной стали. Через несколько месяцев мне предложили обучать работе на станке новеньких девочек. Спустя 1-2 года вслед за нами,

первыми, в цех пришло работать много выпускниц школ, у нас уже был целый девичий коллектив. Но какой-бы интересной ни была работа в цеху, я понимала: на этом останавливаться нельзя, хотелось узнать и достичь чего-то большего, учиться, узнать о новой интересной технике, подняться на более высокую ступень. Эти годы были временем начала освоения космоса, мы то и дело слышали по радио о запуске новых спутников, о полёте Белки и Стрелки. 12 апреля 1961г, яркий солнечный день. И вдруг – крик на весь цех: «Человек в космосе!» Мы все, работавшие тогда в 1-ю смену, отключили станки, выбежали на заводской двор. Затаив дыхание, слушали сообщение о первом полёте человека в космос, им стал наш лётчик-космонавт Ю.А.Гагарин, услышали его знаменитое «Поехали!». Огромная радость за человечество, поднявшееся на новую ступень, гордость за страну, за нашу науку переполняла нас. Гагарин стал нашим кумиром.

Кроме того, я давно, как младенец из пелёнок, выросла из нашего маленького замечательного городка, где каждый знал всё о каждом, из маминой опеки. Давно пора было стать на свои ноги, самостоятельно решать свои жизненные вопросы, возможно, делать ошибки, и самой нести за них ответственность. А их было множество в моей жизни! Мама прекрасно понимала всё и не возражала против моего решения поступать в РРТИ. Готовясь к вступительным экзаменам, я перечитывала программную литературу, воспринимая теперь эти произведения несколько по-другому. По математике перерешала весь весь задачник Антонова (для поступающих в технические ВУЗы), да и уроки Марии Григорьевы накрепко сидели в памяти. А по физике, находя в своих знаниях какие-то пробелы, занималась с Ириной Петровной Коваленко, учительницей физики из 1й украинской школы, маминой приятельницей. По английскому языку мы по-прежнему тренировались с Валей Лапшиной – диалоги, разговорная речь, чтение и перевод, время от времени гоняли друг друга по грамматике. Она очень хотела поступить учиться на инъяз — и поступила в Киевский институт иностранных языков! Тогда абитуриентам с производственным стажем не менее 2х лет при зачислении в институт предоставлялась льгота – более низкий проходной балл, это для меня и для моих друзей была хорошая подстраховка.

Драматично сложилась судьба у Шели Гус. Тогда на всю страну прогремели сообщения об аресте подпольных валютчиков Рокотова, Файбишенкова и других. Аресты были обширными. Через 3 месяца сообщили об окончании следствия и приговоре. По настоянию Хрущёва срочно ввели в уголовный кодекс статью о высшей мере наказания за хранение валюты и золота, главных участников этого «дела» расстреляли. Шеля едва успела сдать вступительные экзамены на медфак Тартусского университета, как вдруг узнали об аресте её папы. Жизнь жестоко распоряжается судьбами людей: от взлёта до падения – один миг. Продукция гардинной фабрики, которой руководил Шелин папа, была

высокого качества, поступала в продажу в торговую сеть Украины, Белоруссии, Прибалтики, восточно-европейских социалистических стран, соответственно, торговые связи Иосифа Шаевича были обширными. Был хорошо отработан и налажен сбыт «левой», неучтённой продукции, в схему действия этого синдиката были включены партийные и хозяйственные руководящие органы разного уровня. Между прочим, зарплаты у работниц гардинной фабрики были неплохими, Иосиф Шаевич не скупился. «Виновником» раскрытия этого дела стал Лёнька Меняйленко, наш сосед, живший с матерью, маленьким сыном и женой Верой в квартире, выходившей окнами на ул.Борисенко. Вера, милая, симпатичная, единственный привлекательный человек из этого семейства, работала медсестрой в городской поликлинике и часто по необходимости и по направлению приходила делать уколы заболевшим соседям из близлежащих домов. Заболела Шелина мама, они жили в 3-х-этажном доме недалеко от нас, и Вера стала ходить к ним, делать уколы по назначению врача. Как Иосиф Шаевич, мудрый, опытный человек, не смог разгадать Лёньку, позволил ему приходить в дом вместе с Верой?! Достаточно было хоть раз услышать его скандальные во всеуслышание разборки с матерью, увидеть эту отвратительную физиономию, наглые навывкате глаза, чтобы понять, кто перед тобой. Не разглядел, не понял, «подружились» семьями. Лёнька всё высмотрел, вынюхал, а потом привёл милицию и стал показывать, где какие были тайники, и что там хранилось. Безмозглый, и мысли не возникло о том, какое клеймо оставляет своему сыну в наследство! При обыске нашли валюту, золото, много ценностей, Иосиф Шаевич был арестован. По природе своей он был предпринимателем серьёзного масштаба, в наше время стал бы крупным бизнесменом, но тогда было не его время. У них конфисковали имущество, отобрали бо́льшую квартиру, где они жили с четырьмя детьми. Семью выселили в какую-то маленькую квартирку на окраине города, они остались без средств к существованию, мама была больна. Семья-то в чём виновата? Иосифа Шаевича из тюрьмы не выпустили, после долгого следствия отправили на урановые рудники, откуда он не вернулся. Шеля тяжело перенесла это известие, серьёзно и долго болела, но поддержка ей там была и не только от семьи её друга однокурсника Саши Левина. Ну и слава Богу! Свет не без добрых людей. Помогали и её маме с детьми в Коломые. Её младшая сестра Майка и братья близнецы Саша и Миша после окончания школы учились в том же университете. В нашем маленьком городке утаить что-нибудь было невозможно, стал известен во всех подробностях «подвиг» Лёньки, после этого он стал изгоем, весь город, не сговариваясь, объявил ему бойкот. Вера с сыном от него ушла.

А с Шелей мы переписывались. После окончания медицинского факультета она была направлена в Няндому Архангельской области. По описанию мамы - жуткое гиблое место, центр пересылки, формирования этапов заключённых. Потом ей удалось перебраться

в Калугу, там они поженились с Сашей, родился первенец Марик, прожили несколько лет, а потом выехали в Эстонию, жили в Таллине. Мы встречались два раза – в 78-м году, когда я находилась в санатории в Дзинтари, и в 79г. Летом 79-о года я лечилась в санатории в Старой Руссе, до Таллина было рукой подать, мы созвонились, и я поехала к ним. Встреча была долгожданной и грустной: они готовились к выезду в Израиль. Хотя где-то в глубине души у меня живёт уверенность, что скорей всего они осели в Штатах.

Мы гуляли по городу, посидели в уютном кафе, говорили о многом. Майка, очень похожая на папу, уже студентка факультета журналистики, трещала безумолку, высказывалась безо всяких стеснений о нашей «советской» жизни. А потом они пошли со мной и детьми на вокзал проводить меня. Младший, Сашенька, очаровательный 3-х-летний кудрявый малыш, всё не хотел сходить с моих рук, обнимал за шею и шептал: «Пойдём к нам домой». Переписываться нам после их отъезда было невозможно: я работала на режимном предприятии, у меня была 2 форма допуска к работе с секретными документами, фактически, за этим названием - вряд ли кому-нибудь нужные бумаги. Использование в течение 20-и с лишним лет «Брежневского» правления инженерных, научных сил, студенчества, работников бюджетной сферы, старшеклассников на работе колхозах по выращиванию, уборке урожая (корнеплоды, заготовка сена и т.д.), на подсобных работах на стройках, на уборке улиц, на овощебазах, в цехах – помогая рабочим «вытягивать» месячный план, грошовые заработки, обязательное участие в бесполезных, никому не нужных «общественных» мероприятиях привело к тому, что большая часть грамотного трудоспособного населения в результате постоянных отвлечений не могла работать в полную силу и с полной отдачей по своей конкретной специальности. Результат — технический регресс, отсталость во многих отраслях промышленности, в том числе и сельском хозяйстве, от передовых капиталистических стран. Какая уж тут конкурентоспособность?! Резко ухудшилось качество работы, качество выпускаемой продукции. Это было ещё одно преступление безграмотной недалёковидной власти перед страной. По моему глубокому убеждению наше отставание и было «секретом», который пытались скрыть с помощью режимных мероприятий.

Из-за такой чудовищной по глупости ситуации, узнав, что у меня переписка с границей, меня запросто могли уволить без возможности найти другую работу по специальности. Рисковать благополучием семьи я не имела права. Такова тогда была наша «совковая» действительность. Так больно оборвалась ещё одна нить, связывавшая меня с юностью. Где бы они ни были, мои друзья, их дети, внуки, пусть всё хорошо будет в их жизни, пусть они будут счастливы!

1962 год. Вот и кончилось время подготовки к решительному шагу. С мамой обо всём переговорили дома, она проводила меня на вокзал, обнялись с ней напоследок. Своим

знакомым я говорила о том, что уезжаю в отпуск. В чемодане кроме одежды, белья, туалетных принадлежностей — учебники, задачник Антонова, конспекты, за спиной у меня — почти 3-х-летний производственный стаж, моя «подушка безопасности».

На экзамены шла спокойно, без страха. Сочинение писала без черновика, сразу набело — тема знакомая: по творчеству А.М.Горького. По английскому языку — взяв билет с текстом, попросила разрешения отвечать без подготовки: текст не был сложным, прочитала, перевела без словаря. Зав.кафедрой английского языка, присутствовавшая на экзамене, спросила, где и какую школу я кончала. Такие же вопросы я услышала на экзаменах по математике, физике. И каждый раз, получив «5», я, с трудом проглотив ком в горле, с гордостью отвечала: «Коломыйскую среднюю школу №9». Меня зачислили на 1-й курс радиотехнического факультета Рязанского радиотехнического института.

Дорогие, родные мои учителя! Низкий поклон Вам за за Ваш тяжёлый,бескорыстный, и такой необходимый труд, за Вашу преданность школе, самоотдачу, веру в нас, за Ваше высокое служение делу воспитания и образования беспокойного трудного детского племени. Как Вы переживали за нас, своих учеников! Полученные нами на вступительных экзаменах хорошие, отличные отметки были для Вас самым лучшим подарком, наградой. Спасибо Вам!

Годом раньше меня поступили учиться мои заводские подруги. Орыся Кит поступила на зубопротезное отделение Черновицкого стоматологического училища, Надюша Могильная — на лечебный факультет Ивано-Франковского(бывшего Станиславского) мед-института. Название поменяли в 1962г в честь 300-летия города и юбилея писателя Ивана Франко, опять чья-то неумная инициатива сверху. Население города и области не соглашалось с переменной старинного очень красивого славянского названия тем более, что Иван Франко не был таким уж выдающимся писателем. Но кто и когда у нас прислушивался к голосу народа?

Во второй половине августа, оформив увольнение, закончив все необходимые дела, я попрощалась с заводом, действительно ставшим для меня в те годы школой жизни, с друзьями, знакомыми, с городом, где прошло детство, первые годы юности. Город, лица друзей, жизнь на Украине навсегда остались в моей памяти. Прощай, Коломыя! Я уезжала в Рязань, где открывалась новая глава моей жизни.

В течение нескольких последующих лет я ежегодно бывала в Коломые, сначала одна, позже с Сергеем, моим другом. Он поступил в РРТИ в 1964г после службы в армии. Приезжали навестить маму, встречались с одноклассниками, друзьями. Последняя встреча

произошла у нас в 1971г, как раз в это время в городе находились Инна с 3-х-летней дочкой, Люся Кондратенко, Эмма Фещенко, повидались и с Надей, и с Орысей, с Марией Григорьевной. У всех нас уже были семьи, дети, определился жизненный круг. С Надей несколько лет переписывались, а потом каждый из нас пошёл по жизни своей дорогой. Больше на Украине мне побывать не пришлось, да и нет там сейчас нашей незабываемой школы, города моего детства, он остался жить в моей памяти. На его месте есть населённый пункт с тем же названием, но жизнь там сейчас строится совсем по другим законам. Будьте счастливы, дорогие мои спутники, друзья детства, юности, наши наставники. Я всегда буду помнить Вас.

Э п и л о г

3 сентября 2006г. в нашем Рязанском доме мы праздновали 100-летний юбилей мамы. Праздничный стол, нарядные торжественные гости – наши друзья, масса цветов, и в центре внимания нарядная довольная мама, множество поздравлений и лично, и по телефону – из Рязани, от зарубежных друзей, от Гали из Израиля, настрой нашего праздника — всё было на высоком уровне. На торжество приехала из Москвы Юля с мальчиками. Пришли поздравить маму лично наш районный депутат Горсовета, председатель Рязанской еврейской общины, представители ассоциации репрессированных. В местной Рязанской газете был помещён очерк о маме и её фотография с цветами в руках. Этот праздник стал нашей с мамой победой над всем, что ей пришлось пережить, она сумела найти свой путь в новой жизни, и прожить её достойно.

Видимо, празднование юбилея истощило её физические силы, печальный эпилог наступил очень скоро: 23 октября – инсульт. Потом были месяцы тяжёлой болезни, после перенесённого гриппа и пневмонии начались сильнейшие боли в кишечнике, болеутоляющие средства помогали на короткое время. Видеть её мучения было невыносимо, а помочь мы ничем не могли: врачи из «Скорой» предположили рак кишечника. 6 мая мы с маминой знакомой, навестившей её, спросили у мамы, не хочет ли она окреститься. Она согласилась! Я была поражена: мама всегда иронично относилась к моему вероисповеданию, хотя я никогда не говорила с ней на эту тему. Отец Валерий, священник нашего Храма Александра Невского и всех святых, человек тактичный, умный, высокой культуры и понимания (я несколько раз была у него на исповеди), причастил маму святых тайн, окрестил её, я ему прислуживала и до глубины души была благодарна за духовную помощь маме. Он ответил мне, что для него было большой честью окрестить еврейскую женщину на исходе её жизни. Утром 7 мая боли

отпустили маму. Я показала ей фотографии всех наших близких, поцеловала её, попросила прощения. Она говорить уже не могла, кивнула мне, погладила руку. В 12.30 мамы не стало. Мы осиротели. Смерть забрала с собой единственного, любимого человека. Осталось безмерное уважение к её личности, любовь к ней, дорогой моей мамочке, помнить её буду, сколько живу.

В гробу мама лежала с удивительным лицом. Оно было спокойным, значительным, одухотворённым. Такое впечатление было, что человек заснул глубоко, очень спокойно, осознав, что достойно выполнил порученную ему работу.

И всегда теперь со мной живёт горькое сожаление: сколько мы с мамой потеряли драгоценного невозвратимого времени и возможностей говорить по душам, делиться сокровенным, научиться, пока живы, принимать друг друга такими, какие мы есть, прощая друг другу непонимание, промахи, и главное, любить друг друга от всей души! Первое время после похорон мне было плохо: спать не могла, мучило чувство вины, глаза закрою – перед глазами мама в разных тяжёлых ситуациях. На Троицу пошла в Храм, поставила свечу на Канон, заказала службу об упокоении душ наших дорогих сродников, покинувших этот мир, первым в списке было имя Анна (мамино имя в Православии), помолилась у Казанской иконы Божьей матери, моей небесной покровительницы и заступницы. В самые тяжёлые минуты жизни я обращаюсь к ней, и помощь приходит! Так случилось и в этот раз. Ночью пригрезился сон: моя Казанская в образе блондиночки средних лет в белом медицинском халате встречает нас с маленькой Галочкой на пороге какого-то помещения, открывает дверь внутрь помещения, предлагает заглянуть туда. Смотрю: в помещении стоят столы, между ними двигаются одетые в тёмные одежды женские фигуры, и вдруг среди них вижу маму. В руках у неё несколько папок, подходит с ними к столу, садится и начинает работать. «Увидела? - спрашивает Казанская – теперь убедилась, что с ней всё в порядке? А теперь успокойся, перестань казнить себя, живи спокойно. Ты для своей мамы сделала всё возможное и всё как надо». Под утро я совершенно отчётливо услышала мамин голос, напевавший мою любимую колыбельную песню: «Спи, моя радость, усни, в доме погасли огни...». Мама часто по вечерам напевала мне эту песенку в период жизни на Кубани, у нас тогда часто была одна постель на двоих. С этой ночи сон вернулся.

Галя, к сожалению, на проводы бабушки прилететь не смогла, но звонила нам постоянно, была в курсе всех событий, а мне так нужна была тогда поддержка наших близких! Рассказала ей о крещении бабушки перед кончиной, она с полуслова поняла меня. И в конце июля мы получили от неё посылку с двумя её работами: в ней были два белых холста одинакового размера приблизительно 1м х 0,6м. На одном вышита молитва «Отче наш» с осеняющими её сверху православным крестом и ангелами, на втором –

Казанская икона Божьей матери. Вышивки она выполнила красными и чёрными нитками, оформила обе работы орнаментом изумительной красоты, и главное, очень верно угадала и изобразила лик Богоматери – лицо простой крестьянской девушки с младенцем на руках. В этом лице всё – и свет, и достоинство, и скромность, и спокойствие. Портило эти работы одно: после стирки горячее израильское солнце выжгло на белой ткани жёлтые пятна, их необходимо было убрать. Все мои попытки отбелить холсты да так, чтобы не испортить, ни к чему не приводили. Замочив ткань в слабом растворе отбеливателя в последний раз, я через пол-часа вытащила из него холсты и с ужасом увидела, как по ткани потекли чёрные разводы. Слезы брызнули из глаз, бросилась к иконе Спасителя, молилась перед образом о спасении труда моей девочки, потом просто прополоскала холсты в прохладной воде и вывесила на просушку на лоджию. Произошло чудо – на вышивках не осталось ни одного жёлтого пятна, ни одного чёрного развода, ткань стала белоснежной, красные и чёрные цвета – яркими и сочными. Слава тебе, Господи! Свои работы Галя освятила там, в Израиле, водой из Иордана.

21 сентября на день празднования Рождества Пресвятой Богородицы, заранее испросив разрешения у отца Валерия, понесла наш подарок в Храм. К вышивкам я присоединила имевшуюся у нас книгу «По святым местам» с великолепными цветными фотографиями самых значимых в христианском мире святых мест в Израиле, Палестине, их кратким описанием (города, храмы). Эта книга издаётся только в Израиле. Подарок наш понравился, отец Валерий поблагодарил нас. Ну и мы были довольны, настроение после посещения Храма было приподнятым, радостным, как будто приобщились Благодати Божьей.

В дальнейшем совершенно необходимыми стали для меня встречи с Тамарой Николаевной Цукановой, бывшей маминой приятельницей, а теперь ставшей моим дорогим другом. Человек энциклопедических знаний в области культуры, искусства, в своё время она создала при нашей областной библиотеке имени А.М.Горького клуб

Рис.30. Тамара Николаевна
Цуканова

«Олимп» и долгое время руководила им. На заседаниях клуба проходили встречи с музыкантами, художниками, поэтами краеведами, известными исполнителями оперного репертуара (например, М.Магомаев, Е.Нестеренко, З.Соткилава и др.). Мы с мамой бывали часто на таких встречах, пока мама могла выходить из дома, пользоваться городским транспортом. Человек необыкновенной душевной щедрости и оптимизма Тамара Николаевна, как магнитом, притягивает к себе людей, прозвониться к ней часто бывает невозможно; к ней обращаются

и люди молодые, и старшего возраста, и она, несмотря на ослабевшее здоровье, всегда отзывчива, приветлива, рада общению, благодаря её инициативе создано много хороших коллективов, клуб «Олимп» по-прежнему привлекает на свои заседания много слушателей.

По своим душевным качествам Тамара Николаевна очень напоминает мне мою дорогую и незабвенную на всю оставшуюся жизнь свекровь Татьяну Ивановну, царствие ей

Рис.31. 1980г. Татьяна Ивановна
Севастьянова

небесное и вечный покой. Такая же была звёздочка, около неё всегда было светло и тепло, она дарила себя людям, никогда ничего не требуя взамен. Мы с ней всегда понимали друг друга с полуслова, она никогда не пыталась учить меня уму-разуму, духовная связь наша была очень сильной. Она покинула этот мир в возрасте 75 лет, очень рано, ей бы жить да жить, она очень нужна была нам, родным и близким, окружающим людям. Но не вынесла разлуки со своим мужем

Александром Георгиевичем, ушла через 9 месяцев после его кончины.

Они любили друг друга, вырастили четверых прекрасных детей, всем дали высшее образование, через её заботливые руки прошло шестеро внуков. Хоронили Татьяну Ивановну родные, её ученики, их родители, друзья. Её знали и любили очень многие люди.

Тамара Николаевна, прочитав мамины воспоминания (в жёлтой тетради) начала мягко, но настойчиво убеждать меня в необходимости поработать над этой тетрадью, отредактировать и напечатать эти материалы. В наших с Тамарой Николаевной беседах возникла и была обсуждена мысль о возможности с подготовленными воспоминаниями обратиться к сотрудникам программы «Жди меня» на первом канале ТВ. По сведениям Юли, в январе 2007г. побывавшей в Польше, съездившей на родину бабушки в Здунску Волю, а затем вышедшей на американское электронное справочное бюро, три брата мамы остались живы и в 80-х годах обращались в это бюро с запросом о поиске своих родных, в том числе мамы. Правда, в этом бюро не было никаких сведений о месте проживания самих братьев. Но если они разыскивали маму, значит семья Рогожинских не погибла, у братьев наверняка были дети, семьи, они должны были знать эту семейную историю, и мы можем разыскать наших родных по маминой линии!

Я долго не решалась, труд казался неподъёмным, потом обратилась за помощью к Владимиру Петровичу Сивакову, зам.руководителя Рязанского отделения общества «Мемориал». До этого я несколько раз обращалась к нему с просьбой помочь отыскать следы моего папы Ротштейна Абрама Соломоновича или что-то узнать о его судьбе. По его и в конце концов по моим предположениям папа погиб или на пересылке, или в медных рудниках Красноуфимска. Владимир Петрович помогал составить письма, давал нужные адреса, вместе с ним посмотрели выложенную в интернете электронную книгу памяти жертв политических репрессий. 7 лет назад в эту книгу было внесено 7млн.300 с лишним тысяч имён. После просмотра было состояние потрясения, не проходившее очень долго.

Владимир Петрович договорился с журналисткой Людмилой Ивановной Шестовой (она считала себя волонтером) и в 20-х числах января 2008-го года, после крещения Господня, наша работа началась. По пути в «Мемориал», где у нас была назначена первая рабочая встреча, я зашла на подворье Иоанно-Богословского монастыря, помолилась перед иконами, заказала сорокоуст по маме, и, укрепившись духовно, вошла в помещение «Мемориала».

С Людмилой Ивановной сразу установились дружеские доверительные отношения, несмотря на то, что она намного моложе меня. Работать над редактированием

текста было мучительно тяжело. Дело в том, что работу над воспоминаниями мама начала в 95 лет. Тогда почерк был ещё довольно чётким и разборчивым, и изложение событий – более-менее логически последовательным. С годами же зрение у мамы становилось всё хуже, прогрессировало заболевание сосудов головного мозга. И это сказалось на качестве записей. Почерк становился всё мельче, выпадали из памяти некоторые имена и эпизоды жизни и появлялись неожиданно в других частях текста. К сожалению, мама до самой кончины не показывала мне своих воспоминаний, мы вместе могли бы поправить многое. Сейчас по вечерам я переписывала 7-10 страниц её текста, восстанавливала по своей памяти забытые имена, расставляла в логическом и хронологическом порядке жизненные эпизоды, особенно в период жизни на Украине, благо, память меня пока не подводит. С этим откорректированным материалом мы с Людмилой Ивановной работали в течение следующего рабочего дня. И я ежедневно поражалась: имея за плечами такую жизнь, подорванное здоровье, такой преклонный возраст, какую надо было иметь силу духа, чтобы в 95 лет начать работу над воспоминаниями, в течение 4-х лет работать над ними и закончить их незадолго до кончины! Причём, мама прекрасно сохранила в памяти польский, немецкий периоды жизни, имена близких и знакомых людей, географические названия, а также знание немецкого языка (письмо и чтение). Каждый день, вчитываясь в текст воспоминаний, я вместе с незримо присутствующей мамой погружалась в события давно прошедших лет, мы возвращались в её родную семью, в стены их дома, радовались первым безмятежным годам детства вместе с ними, родными, ушедшими безвозвратно, переживали все тяготы того времени, выпавшие на долю семьи, вместе с ней проживали тяжёлые испытания, горькие потери любимых, дорогих близких людей. Как жаль, что у неё тогда не было веры в Б-га, каким счастьем и поддержкой для них, обездоленных, лишившихся всего политзаключённых была их дружба, сочувствие, взаимопомощь, когда они делились последним, чтобы помочь погибающим товарищам. Знание о жизни маминого поколения, о событиях, происходивших в нашей стране в 20-50-е годы XX-го века мы обязаны передать следующим за нами поколениям: детям, внукам, правнукам, они должны знать правду и не допустить в будущем повторения страшных событий, унёсших жизни более 70 млн. человек(войны, коллективизация, раскулачивание, репрессии, голод)! Сомневаюсь, что когда-нибудь об этом напишут в наших учебниках истории.

В первые дни работать с этим материалом было морально тяжело, но потом мы втянулись. В течение месяца работая без выходных в таком режиме (часов с 8-10-и утра и до сумерек) мы закончили работу над редактированием маминых воспоминаний

Рис.32.Сиваков В.П.

Зам. руководителя Рязанского отделения общества «Мемориал»

к концу февраля 2008г. Мы- это я, Людмила Ивановна Шестова, молодые сотрудники «Мемориала» во главе с Владимиром Петровичем Сиваковым. Мой муж Сергей Александрович Севастьянов, поддержавший это начинание, проверял напечатанные листы, часто находил ошибки, которые нужно было исправить, взял на это время большую часть наших домашних дел. Юля, приехав на день рождения папы, побывала со мной в «Мемориале», провела окончательную компьютерную текста, за что я всем им была благодарна до глубины души.

Владимир Петрович собственноручно распечатал 5 экземпляров текста, 5 комплектов снимков, причём с безупречным качеством. В итоге у нас получилось 5 превосходно отпечатанных экземпляров воспоминаний с фотографиями, моим Послесловием. 5 марта 2008г. 1 экземпляр с большой маминой фотографией я, находясь в Москве, испросив заранее благословления на исповеди в нашем храме, передала в киоск телепрограммы «Жди меня» на Казанском вокзале. В анкете заявки на поиск указала имена, место и даты рождения всех маминых братьев, моего папы. 1 экземпляр передала Юле, 2-й – вдохновительнице моего труда Тамаре Николаевне Цукановой, 3-й – отправила Гале. И ещё один передала Ольге Алексеевне Осетровой, сопредседателю общества дружбы «Рязань – Мюнстер» для отправки маминым друзьям фрау Ютте и герру Бенно Маттейзен из Мюнстера. В течение последних 15 лет жизни мамы они дружили, переписывались. Фрау Ютта часто звонила, присылала маме книги на немецком языке. Впоследствии всю библиотечку немецких книг я передала в иностранный отдел нашей Областной библиотеки имени Горького. Фрау Ютта обратилась в Мюнстерский филиал Общества дружбы с просьбой о переводе маминых воспоминаний на немецкий язык. После прочтения она передала мне через Ольгу Алексеевну предложение о публикации книги на немецком языке. Эту большую

работу взял на себя и выполнил Мюнстерский филиал общества дружбы и в феврале 2011г. немецкие представители этого общества во время визита в Рязань передали мне и Ольге Алексеевне 4 экземпляра хорошо изданной книги. Как я была благодарна им, фрау Ютте за эту работу! Для меня очень важным было то, что и немцы смогут ознакомиться с этими материалами. Один из экземпляров книги был передан в Рязанский «Мемориал».

Позже количество экземпляров воспоминаний стало увеличиваться: многие мамы и мои друзья, ознакомившись с ними, ксерокопировали их и оставляли по экземпляру себе на память, думаю, это было правильно.

В вопросе увековечения памяти мамы большую помощь нам оказала депутат Рязанского Горсовета от нашего избирательного округа Татьяна Анатольевна Чинкова. Средств на установку памятника у нас, пенсионеров, не было, городской пенсионный фонд отказал в какой-либо помощи. Татьяна Анатольевна была у нас на мамином юбилее, знала мамину историю. Я обратилась к ней, и по её ходатайству горсовет выделил нам определённую, не очень большую сумму. Этого было достаточно для начала, в течении года мы смогли набрать необходимые средства, и в августе 2008г. памятник был установлен. В верхней части плиты выбит православный крест, ниже имена, даты рождения и кончины мамы и папы. Даты рождения и гибели папы – предположительные, по имеющимся у меня сведениям. Точных данных до сих пор нет. Спите с миром, родные мои, любимые. Господи, даруй им царствие небесное, вечный покой.

Татьяна Анатольевна со своими помощницами тоже сделали себе по экземпляру копий воспоминаний.

Наши усилия по поиску родных по маминой линии дали некоторые результаты. В конце января 2009г. сотрудница телепередачи «Жди меня» и руководитель группы поиска по нашей заявке Лена Рогаткина сообщила мне по телефону о том, что сотрудники и добровольные помощники передачи нашли дочь Симу и сыновей Айзика и Макса младшего маминого брата Эзриля в США в штатах Флорида и Вирджиния, в Израиле – Иосифа, сына брата Давида. Моя двоюродная сестра и братья названы именами родителей мамы и её братьев! Нам сообщили их телефоны, координаты. Первое чувство – невозможная радость. А потом...

Мне кажется, в отношении нас, русских родственников, у них были серьёзные сомнения, возможно, опасались какой-то провокации (тем более, о «подвигах» КГБ наслышаны во всём мире). Когда Юля по интернету связалась с Максом из

Вирджинии, с Иосифом в Израиле, они, наконец, поверили в наше существование, были поражены этой новостью не меньше нас. Первая встреча с новообретёнными родными состоялась в Штатах – в январе 2010г. Юля, во время поездки в США, вместе со своим будущим мужем созвонились с Максом, встретились на нейтральной территории. Увидев Юлю, Макс до конца поверил в реальность этой истории. Сказал, что она очень похожа на свою молодую бабушку в молодости по фотографии. Посмотрев его фотографию, увидела чётко выраженное фамильное сходство с мамой. Сейчас связь с ним, его детьми постоянна, дочь переслала им мамины воспоминания на английском языке. Я с ними пока не встретилась, думаю, всё впереди.

В 20-х числах марта 2010г. наступил финал поисков наших родных, по воле случая оказавшихся в 20-30-х годах прошлого столетия на территории СССР. В интернете на сайтах общества «Мемориал» и газеты «Московская правда» мы нашли сведения о маминых братьях Хаиме и Германе. Самые худшие предположения подтвердились. Хаим, работая модельщиком на Пензенской обувной фабрике, был арестован НКВД в июне 1938г. по обвинению в шпионско-диверсионной деятельности и через 3 месяца по постановлению Тройки расстрелян. Подробные сведения о нём я изложила в Послесловии к воспоминаниям мамы. Реабилитирован был в сентябре 1955г. за отсутствием состава преступления. Я потеряла счёт нашим с мамой обращениям в разные инстанции в поисках сведений о братьях. Видимо, эти обращения никто не читал: на все наши запросы приходили стандартные отписки с отрицательным ответом – нет сведений. Сведения о брате Германе более краткие: был указан номер «дела». В том же году я подала вторичный запрос в программу «Жди меня» с просьбой о розыске моего папы, жены Хаима Фриды, их сына. Ответа на этот запрос нет. После получения сведений о маминых братьях я благословила Юлю с детьми на отъезд в США. Я не хочу, чтобы когда-нибудь, пусть в самом отдалённом будущем, нашим потомкам, живущим в России, могла хоть в малейшей степени грозить участь их предков, а такая возможность, к сожалению, не исключена. Сейчас мы с мужем за них спокойны: наши дети, внуки живут в странах, где их защищает Закон.

На маминой могиле мы установили ещё одну плиту с именами маминых братьев Хаима и Германа, моей польской бабушки Симы (Цимель), с предположительными датами их жизни. Бабушка в начале войны оставалась в Польше с младшим сыном Эзрилем. Эзриль с женой попал в Освенцим (см.Послесловие...), а бабушка, по всей вероятности, погибла в гетто. Юля побывала в музее гетто в Здунской Воле, у них были сведения только на 100 человек, а погибло там 4 тысячи человек.

Рис.32 – 33. Прощание с могилой предков

Сейчас нашему старшему внуку Грише 15 лет, младшему, Гоше, – 11, подрастает внучка Маргошенька, родившаяся на американской земле, ей 1 год и 7 месяцев, в прошлом году появились внуки у Макса, моего двоюродного брата, сына Эзриля. Нам очень хочется, чтобы их история была светлой, радостной, чтобы во сне они смеялись, летали, сочиняли стихи, музыку, чтобы никогда в будущем их не коснулась даже тень ужасов, которые пришлось пережить их предкам.

Севастьянова
Серафима Абрамовна.
г.Рязань, 2010 – 2013г.г.

P.S.Свой детский сон я всё-таки разгадала: самоцветы, увиденные мною на горе, до которых я так хотела дотянуться – это люди, с которыми мне посчастливилось встретиться на жизненном пути. Спасибо Судьбе!